

Конституционное
ПРАВОСУДИЕ

Вестник

Конференции

органов конституционного контроля

стран новой демократии

Выпуск 1(71) 2016

ИЗДАЕТСЯ ЦЕНТРОМ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ЕРЕВАН · 2016

Председатель редакционного совета

Г.Г. Арутюнян
Председатель Конституционного Суда Республики Армения

Редакционный совет:

Д.Д. Хошимзода
Судья Конституционного Суда Республики Таджикистан

Ю.В. Баулин
Председатель Конституционного Суда Украины

Н.С. Бондарь
Судья Конституционного Суда Российской Федерации

Б. Гарибов
*Судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики
в отставке*

А.М. Нурмагамбетов
Член Конституционного Совета Республики Казахстан

В.Ф. Запорожан
Судья-ассистент Конституционного Суда Республики Молдова

А.Г. Тиковенко
Судья Конституционного Суда Республики Беларусь

Ответственный секретарь

И.В. Даниелян

ISSN 18290125

© Центр конституционного права РА

Содержание

Актуальные проблемы конституционного правосудия

Авакьян С. Пространство конституции: проблемы формирования..... 5

Танчев Е. Социальное государство (всеобщего благосостояния) в современном конституционализме 14

Арутюнян Г., Вардеванян А. Роль Конституционного Суда в обеспечении непосредственного действия основных прав: доктрина Конституционного Суда РА 35

Бондарь Н. Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей 44

Арановский К., Князев С. Основания международных стандартов в сопряжении с конституционными основами российского уголовного судопроизводства 67

Из практики органов конституционного правосудия

Заключение Конституционного Суда Украины от 30 июля 2015 года № 2-в/2015 94

Резюме Решений Конституционного Суда Республики Беларусь от 27 ноября 2015 г. № Р-1004/2015 и от 16 декабря 2015 г. № Р-1006/2015 113

Информация, факты, сообщения

Конституционному Суду Республики Армения двадцать лет 120

Contents

Actual issues of constitutional justice

Avakyan S. Constitutional values and politics: constitutionalization of politics but non-politicization of constitutional values	5
Tanchev E. Social state (of universal welfare) in the contemporary constitutionalism	14
Harutyunyan G., Vardevanyan A. The role of the Constitutional Court in ensuring direct applicability of the fundamental rights: doctrine of the RA Constitutional Court	35
Bondar N. Constitutional values and politics: constitutionalization of politics but non-politicization of constitutional values	44
Aranovskiy K., Knyazev S. Foundations of international standards in conjunction with the constitutional basics of the Russian criminal proceedings	67
From the practice of the bodies of constitutional justice	
Conclusion N2-c/2015 of Constitutional Court of Ukraine of 30 July 2015	94
Summary of the Decisions of the Constitutional Court of the Republic of Belarus of 27 November, 2015, № P-1004/2015 and of 16 December, 2015, № P-1006/2015.....	113
Information, facts, announcements	
Twenty years of the Constitutional Court of the Republic of Armenia	120

С. Авакьян

Заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Пространство конституции: проблемы формирования*

Теория конституции достаточно полно разработана в юридической, а также политологической литературе и публицистике. Но в последнее время стал явственно ощутимым вопрос о содержании конституционной материи и конституционного регулирования. Отдельные авторы в связи с этим склонны к созданию концепции т.н. «права конституции», иначе говоря - об общественной сфере, требующей только конституционного уровня формализации. Постановка задачи оправдана, хотя само ее обозначение как «права конституции» не очень приемлемо, поскольку при всей загадочности и отсюда привлекательности данного понятия оно - при ближайшем рассмотрении - становится проблемно-неубедительным. Ведь сама конституция при всей ее значимости как политического документа все равно является юридическим законом, т.е. формализованным правом.

При обстоятельном обдумывании данной проблемы более убедительным представляется другое, родственное, понятие - пространство конституции. Оно не очень часто, но

* Настоящая статья публикуется из Сборника «Материалы Международной научно-практической конференции «Конституция: единство, стабильность, процветание», посвященной 20-летию Конституции Республики Казахстан» с согласия автора.

все же используется в литературе. Например, в связи с 20-летием Конституции Российской Федерации в октябре 2013 года в Дагестане проводилась конференция с подобным обобщенным названием¹.

Использование понятия «пространство конституции» требует тщательного его анализа. Причина проста: по большому счету пространством конституции можно назвать все общественные отношения, возникающие в государстве и обществе, поскольку она (конституция) их так или иначе касается. Не случайно представители различных юридических отраслей и наук называют конституцию главным, ключевым источником как соответствующей отрасли права, так и юридической науки.

Однако можно говорить о пространстве конституции и его формировании и в узком смысле слова. Думается, оно охватывает: задачи конституции; предмет конституции, такие его составные объекты, как ключевые моменты жизни общества, государства, граждан, требующие конституционного отражения; основные принципы (закономерности) конституционного регулирования; роль конституции как действующего юридического документа.

Задачи конституции хотя и масштабны, но просты: она должна быть фундаментом общества, государства, жизни людей. Конституция отражает те ценности, которые по большому счету устраивают всех. Увы, может быть и так, что какие-то социальные слои, классы свои ценности выдают за всеобщие, а также отстраняют от них те группы людей, которые считают враждебными - причем не просто себе, а всему обществу. Но это неизбежная диалектика развития. Так, на первых этапах социалистического развития отстраняли от участия во власти тех, с кем олицетворяли прежний режим. Но ведь точно так же делают и те, кто правит сегодня, и как бы в интересах народа они либо юридически отстраняют от власти коммунистов и запрещают их партии, либо организуют

¹ См.: Конституционное пространство России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации и 10-летию Конституции Республики Дагестан. 21-22 октября 2013 г. В 2-х частях. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2014.

массовую люстрацию, т.е. проверку связи людей с прежними органами безопасности, либо, наконец, путем массовой идеологической обработки населения (избирателей) добиваются резкого уменьшения влияния соответствующих идей и стоящих за ними сил.

Ключевые моменты жизни общества, государства, граждан. Говоря о них, мы упираемся в традиционный вопрос об объектах конституционного регулирования, т.е. не всего конституционного права в целом, а именно конституции, т.е. основного закона. Формирование пространства конституции как раз и предполагает существование конституционной сферы, т.е. той материи, которая не только в силу политических задач, но и для обеспечения эффективности основного закона требует установочных начал - что же отражать в основном законе государства или же государства и общества.

Пространством конституции охватываются:

строй общества (общественный строй, а когда он отражен в конституции - конституционный строй);

государство, его основные характеристики, территориальная организация, т.е. устройство;

организация публичной власти во всех ее разновидностях, т.е. основы государственной власти, общественной власти и муниципальной власти; собственность во всех ее главных формах и объектах, конституционные основы экономической деятельности;

личность - ее ключевые права, свободы и обязанности, гарантии жизнедеятельности.

Основные принципы² (закономерности) конституционного регулирования. Они состоят в том, что у конституционного регулирования два предназначения.

Во-первых, внутри конституционного права надо искать те отношения или же части, верхние пласты таких отношений, которым место в конституции. Эти вопросы периодически возникают, соответственно «поле» конституции могут урезать или расширить. Пример: объекты тех или иных видов

² См.: Джагарян А. А. О природе конституционных принципов в национальной правовой системе // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 17.

собственности - они были в конституциях советского периода и их нет в современной Конституции Российской Федерации. Или еще пример: перечень министерств и иных органов управления был в Конституции СССР 1936 г., в него вносились регулярные изменения, в итоге это перестало быть материей конституции. Есть и примеры, когда развитие отраслевого регулирования постепенно приводит к включению некоторого числа норм в конституцию, например, право на информацию (ст. 29 Конституции РФ). В чем-то есть и практика обратного - норма включена в Конституцию и далее развивается в текущем регулировании. Так, в России ст. 23 Конституции защищает частную жизнь гражданина, а ст. 24 Конституции РФ говорит о праве на доступ к информации. Развитие этих норм вызвало подробное регулирование в специальных законах, с одной стороны, защиты персональных данных, с другой - права граждан на доступ к информации о деятельности судов, государственных и муниципальных органов.

Это предназначение конституционного регулирования также существенно влияет на полномочия и деятельность органов конституционного правосудия, что, в свою очередь, может ощущаться в двух направлениях. С одной стороны, расширение или сужение объема конституционных норм влияет на пределы конституционного контроля - если норма стала частью конституции, она перестает быть предметом такого контроля, превращается в его фундамент, хотя и может быть объектом толкования органа конституционного правосудия. С другой стороны, может иметь место включение полномочия органа конституционного правосудия в конституцию, и оно позволяет ему действовать, либо исключение нормы о полномочии из текста конституции и далее из специального закона об органе, и он прекращает этим заниматься (так, на первом этапе формирования законодательства о Конституционном Суде РФ право оценивать деятельность политической партии на предмет ее соответствия Конституции РФ было отнесено к его ведению, в действующей Конституции РФ у Конституционного Суда нет данного полномочия, а подконституционное законодательство отдало данный вопрос в ведение Верховного Суда РФ).

Во-вторых, поскольку конституционное регулирование призвано создать фундамент развития всего социума, оно «мазками» касается многих общественных отношений, обозначая именно принципы, закономерности их развития. Иногда это делается посредством вынесения главных точек общественного развития в преамбулу конституции - так было, например, с отражением основных характеристик развитого социалистического общества в Конституции СССР 1977 года. Но в современный период такие нормы общего характера включаются в статьи конституций - например, в ст. 38 Конституции РФ говорится об обязанностях родителей по воспитанию детей и в свою очередь детей в плане заботы о родителях. Такое конституционное регулирование подчеркивает высший смысл соответствующих духовно-нравственных ценностей, приобретающих конституционную «окраску»³.

Но сюда примыкает еще одна задача в вопросах формирования пространства конституции. Она возникла как отражение двух моментов: а) погоня за краткостью конституционного текста; б) суждение о ненужности отражения соответствующих положений на конституционном уровне. Пожалуй, второй фактор отразил идею: общие принципы и их детализацию надо отражать в одном документе, и это должен быть отраслевой акт. Именно этот взгляд и его проведение в правовом регулировании до недавнего времени существенно принижали роль конституции, конституционного регулирования и вообще понимания пространства конституции.

Немаловажную роль сыграло и специфическое восприятие конституции как действующего права в буквальном смысле данного слова: действующее - значит непосредственно применяемое. Между тем прямое действие конституции зачастую выражается именно в ее воздействии на *идеологию* общественных отношений, на *психологию* их участников.

³ См.: Бондарь Н.С. Конституция - ценностно-правовая основа разрешения социальных противоречий (в контексте практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63); Он же. Ценность Конституции России как юридического акта и социокультурного явления // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6; Витрук Н.В. Конституционность в контексте правовой жизни современной России // Российское правосудие. 2007. № 7 (15).

И не случайно мы наблюдаем такое явление, как возвышение, поднятие на конституционный уровень основных ценностей соответствующих отношений. Это видно на примере Конституций Швейцарии, Бразилии, Португалии и еще ряда стран.

В России эта линия пока в большей мере отражается в создании теоретических предпосылок соответствующих процессов. Коллеги - исследователи Н.С. Бондарь, Г.А. Гаджиев, В.И. Крусс, А.А. Ливеровский и другие пишут и говорят: давно *назрела конституционализация правового регулирования общественных отношений*⁴.

В чем-то данная проблема перекликается с общим предназначением конституционного права как основы национального права. В свое время В.Ф. Коток пришел к выводу, что существует конституционное право как основа основ всего права. Правда, он не говорил о том, что это предмет исключительно конституции, просто не касался данного момента. Но все же ясно, что понимаемое таким образом конституционное право есть в значительной мере то, что отражено непосредственно в Основном Законе. Правда, при таком подходе и В.Ф. Коток, и многие исследователи, в том числе и успешно работающие сегодня, приходят к выводам о необходимости выделения в конституционном праве блока общих основ регулирования и далее предлагают дробление конституционного права на теперешние подотрасли⁵. Так рождаются идеи таких самостоятельных отраслей права, как: консти-

⁴ Бондарь Н.С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в «контексте решений Конституционного Суда Российской Федерации»). - М.: Норма, 2006; Гаджиев Г.А. Инновационный путь развития конституционного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 5 (78); Головкин Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгом и реальностью // Государство и право. 2013. № 12; Крусс В.И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5; Он же. Юридические предпосылки и перспективы конституционализации российского законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 5.

⁵ См., в частности: Коток В.Ф. Содержание конституционного права // Совершенствование. Государство и право. 1971. № 2; Кононов К.А. Система отрасли конституционного права: историко-теоретический очерк / Под науч. ред. Л.А. Нудненко. - СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011; Саликов М.С. Предмет конституционно-процессуального права Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2000. № 1.

туционное право как охватывающее общие основы всего общества и всего государства; государственное право как охватывающее всё, что касается государства, его сути (природы), характеристик, устройства, общей системы государственных органов; отрасль «права человека»; «федеративное» право; избирательное право; парламентское право и т.д. Отдельно рождаются и попытки отделить материальное и процессуальное в единой материи конституционного права.

Идеи эти не новы. Сложность их воплощения связана и с нежизненностью теорий, и с неудобством понятийного ряда. С одной стороны, очень сложно единую материю разделить на подобные «отрасли»; с другой - трудно найти правильные и удачные названия для таких «отраслей». На самом деле несколько неестественно говорить о «личностном праве» применительно к «правам человека», о «территориальном праве», «федеративном праве» применительно к территориальной организации государства (да и как их отделить от того, что выше названо «государственным» правом?). Несбыточные предложения об отделении от конституционного «материального» права так называемого конституционного «процессуального» права лишь породили странную конструкцию «конституционный судебный процесс», включенную в Ваковское наименование нашей научной дисциплины (12.00.02: конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право).

И все же это как бы внутренний вопрос конституционного права. Однако на современном этапе важнее второй аспект: наряду с общими основами чисто конституционно-правовых отношений можно говорить и о том блоке конституционного регулирования, который становится основой отраслевого регулирования. А это уже близко к тому, что отдельные авторы склонны называть «право конституции» «конституционализацией» правового регулирования.

Думается, самое важное здесь состоит в том, что конституционализация регулирования не может быть сведена к формальному отражению в норме конституции правила, сводимого «на нет» текущим регулированием. Иначе говоря, пространство конституции предполагает *директивное содержание регулирования*. А это означает, что норму, вклю-

ценную в конституционный текст, нельзя изменить «текущим» регулированием и тем более ее интерпретацией не только простыми правоприменителями, но и органом конституционного правосудия.

Таким образом, пространство конституции должно предполагать не только возвышение нормы до ее отражения в конституции, что само по себе все же является несомненным плюсом. Предполагается далее культивирование такого отношения к ее ценностям, чтобы не возникало никакого желания путем «прививок» и иных методов «культивации» изменить содержание нормы или ее ценность.

Проблема возвышения до уровня конституции норм, традиционно находящихся в отраслевом регулировании, является весьма болезненной. Министерство финансов, налоговая служба, суды, цивилисты в целом готовы пойти на отражение в конституции изначально важных норм о бюджете, налогах, правосудии и т.п., но они всеми силами будут сопротивляться более подробному отражению соответствующих правил в конституционных нормах. По-своему они правы. Но только этого недостаточно. Дело ведь в том, что отказ от конституционного регулирования в пользу отраслевого существенно влияет на статус личности. Более того, это ведет к усилению роли отраслевого аппарата, а также текущей практики правоохранительных органов, включая суды. Вот один, но показательный пример: в Конституции РФ ничего нет о конституционных основах следствия, в итоге текущим законодательством его кроют как угодно, в том числе создан государственный орган, не входящий в систему разделения властей (Следственный комитет РФ).

И еще один вопрос. Как создавать пространство конституции?

Просматриваются по крайней мере такие пути.

Во-первых, принятие конституции государства и включение в новый основной закон соответствующих норм, ранее находившихся в подконституционных актах.

Во-вторых, это текущее пополнение конституции путем отражения в ней важнейших норм текущего законодательства (кстати, при конституционной реформе 2014 года было уточнено в самой Конституции РФ право Совета Федерации назначать не только Генерального прокурора, но и его заместителей).

В-третьих, конечно, нельзя уйти от вопроса о роли Конституционного Суда РФ среди органов конституционного правосудия в целом в создании пространства конституции. Дело в том, что возможны две крайности: либо присоединение к конституции какого-то блока норм с целью утверждения их «неприкосновенности»; либо принижение роли норм конституции их применением лишь на базе текущего права. И то, и другое должно пресекаться Конституционным Судом посредством его решений. И мы это наблюдаем на практике. В частности, при оспаривании в Конституционном Суде РФ Федерального конституционного закона о внесении изменений в Федеральный конституционный закон о референдуме Российской Федерации представитель Государственной Думы предлагала, чтобы Конституционный Суд отказался от рассмотрения данного вопроса по логике - конституционный закон есть часть Конституции, а ее оценивать КС не может. Но Конституционный Суд РФ не согласился с таким подходом, полагая, что конституционный закон не является частью пространства Конституции РФ. Все законы должны соответствовать Конституции, это сказано в ст. 15 Основного Закона, и конституционные законы не составляют исключения. И это означает, что оценка их соответствия Конституции может и должна быть предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ.

Еще один пример связан с правом Президента РФ временно отстранять от должности Генерального прокурора РФ - до окончательного решения вопроса об освобождении от должности данного лица Советом Федерации. Такого права по Конституции у Президента нет, однако Конституционный Суд выразил свою позицию, что оно предполагается для главы государства. Следовательно, норма Конституции была как бы подчинена даже не норме текущего законодательства, а логике ее интерпретации Конституционным Судом РФ.

Таким образом, решения Конституционного Суда способствуют формированию пространства конституции, предмета конституции. Правда, это не должно исключать внесения поправок в конституцию. Пространство конституции в первую очередь формируется самой конституцией.

Е. Танчев

*Вице-президент Венецианской комиссии
Совета Европы, Председатель Конституционного
Суда Болгарии (2009-2013 гг.), профессор*

Социальное государство (всеобщего благосостояния) в современном конституционализме*

Введение

В данном докладе, посвященном такой широкой теме, как государство всеобщего благосостояния, будут рассмотрены следующие ее аспекты: содержание, объем и институционализация принципа социального государства в конституциях некоторых современных государств, включая Болгарию, варианты закрепления этого принципа в законодательстве и результаты его практической реализации. В то же время особого внимания и даже нового истолкования заслуживает проблема соотношения либерального и социального государства, так как в настоящий момент в западной демократии социальное государство следует рассматривать в качестве эманации государства либерального; они не являются антиподами, как, вопреки действительности, утверждают многие ученые.

Содержание и конституционно-правовое закрепление принципа государства всеобщего благосостояния

Основные законы четвертого поколения, принятые после Второй мировой войны в Западной Европе, прямо закрепляют

* Настоящая статья публикуется из Сборника "Материалы Международной научно-практической конференции "Конституция: единство, стабильность, процветание", посвященной 20-летию Конституции Республики Казахстан" с согласия автора.

принцип государства всеобщего благосостояния или включают нормы, внутренне согласующиеся с этим принципом.

Авторы этих конституций имели схожие представления, что соответствовало эволюции правовой и политологической доктрины, хотя определенное влияние на этот процесс оказывали и традиции национального конституционализма,

Например, статья 1 Конституции Испании 1978 года устанавливает принципы социального и демократического государства.

Три другие Конституции - итальянская, португальская и шведская - закрепили еще более многообещающие положения. Согласно Основному Закону 1946 года Италия является демократической Республикой, основывающейся на труде. Государство «признает и гарантирует неотъемлемые права человека... и требует выполнения неотъемлемых обязанностей, вытекающих из политической, экономической и социальной солидарности» (статьи 1 и 2).

Португалия в Конституции, принятой через тридцать лет после свержения деспотического режима, характеризуется как суверенная республика, основывающаяся на уважении личности и на народном волеизъявлении и ставящая своей целью построение свободного, справедливого и солидарного общества. Претворение демократических принципов в экономической, социальной и культурной жизни и развитие демократии участия определены как базовые ценности, которые Конституция закрепляет и гарантирует (статьи 1 и 2).

Акт, называемый Формой правления, принятый в Швеции в 1974 году, не упоминает принцип социального государства. Однако при этом Швеция является всемирно известным государством всеобщего благосостояния благодаря продолжительному правлению социальных демократов, а соответствующая нормативная база содержится в параграфе 2 главы 2 Формы правления: «...личное, экономическое и культурное благосостояние частных лиц должно быть основной целью деятельности государства. Оно обязано обеспечить всем право на труд, жилище и образование, а также содействовать социальному обеспечению, безопасности и хорошим условиям жизни. Общество должно заботиться о том, чтобы демократические идеи оставались направляющими во всех общественных сферах».

Проследим также развитие концепции и закрепление принципа государства всеобщего благосостояния в теории и практике французского и германского конституционализма.

В статье 1 Конституции 1958 года Франция провозглашается «неделимой, светской, демократической и социальной Республикой».

В одном из наиболее авторитетных комментариев к Конституции V Республики концепция государства всеобщего благосостояния рассматривается в контексте развивающейся демократии, которая пронизывает социальную сферу равно как культурную и политическую. В более общем смысле эта концепция связывается с принципами социальной справедливости и солидарности¹.

Идея всеобщей солидарности является вкладом Франции в социологию и юриспруденцию. Ее суть была наилучшим образом описана в учении Э. Дюркгейма².

Проанализировав различные формы разделения труда и сотрудничества между социальными группами, он пришел к выводу о необходимости социальной солидарности для сохранения и развития общества. Согласно Ж. Дюги, который развил эту теорию и обосновал необходимость следовать принципу солидарности и в праве, солидарность не является антиподом индивидуализма, только вместе они могут гарантировать равенство перед законом и права граждан на местном, национальном, а также общемировом уровнях. Право должно основываться на социальной солидарности, и правовые нормы не могут нарушать запрет посягательства на принцип солидарности³. Ж. Буржуа обосновал необходимость увеличения доли государственного вмешательства в экономику для ограничения погубных последствий игры на рынке. Он понимал социальную солидарность как механизм, способный обеспечить общественную сплоченность благодаря объединению демократии и экономического прогресса⁴. В неотомиз-

1 См.: *Luchaire F., Conac G.* La constitution de la republique francaise. Paris, 1980. P. 85.

2 См.: *Durkheim E.* The Division of Labour in Society. London, 1964. P. 70-233.

3 См.: *Дюги Ж.* Конституционное право. - М., 1908. - С. 18.

4 См.: *Буржуа Ж.* Общественная солидарность. София, 1919. Что интересно, эта работа была переведена Стойко Мошановым, который во введении отметил, что он заполнил пробел в доктрине для Демократической партии, провозгласившей в своей программе, а также озвучившей в докладе Президиума и с предвыборной трибуны в 1919 году, что «прочной основой государственной жизни должен быть принцип общественной солидарности».

ме значение государства всеобщего благосостояния объяснялось необходимостью расширения функций государства, возникшей вследствие технического прогресса, для того, чтобы компенсировать пренебрежение социальной солидарностью и справедливостью⁵.

Во французском конституционализме после Второй мировой войны концепция государства всеобщего благосостояния получила дальнейшее развитие во взаимосвязи с идеями солидарности и государственного вмешательства, осуществляемого с целью охраны свободы незащищенных социальных групп. На практике социальное законодательство появилось уже после окончания Первой мировой войны, хотя оба основных закона, составлявших Конституцию III Французской Республики, не закрепляли принцип государства всеобщего благосостояния⁶.

Ныне действующий Основной Закон ФРГ 1949 года в абз. 1 ст. 20 закрепляет, что Германия является демократическим и социальным федеративным государством. Конституционный строй земель должен соответствовать основным принципам республиканского, демократического и социального правового государства в духе Основного Закона, действующего на территории Федерации (абз. 1 ст. 28).

Однако учитывая, что в Германии конституционный принцип государства всеобщего благосостояния воплощен в различных формах, необходимо глубже проанализировать его зарождение, развитие, природу и институционализацию. Принцип государства всеобщего благосостояния в германской доктрине изначально связывался с принципом правового государства, первый этап становления которого относится еще к 19 веку.

Иногда разработку и развитие концепции социального государства ставят в заслугу марксизму. Это слишком упрощенный подход. Объясняя историческое развитие классовой борьбой, К. Маркс и его последователи фактически выступи-

5 См.: *Maritain J.* Man and the State in Political Order and the Plural Structure of Society. Atlanta: Emory University, P. 185-187.

6 Ещё в 1919 году Парламент принял закон, разработанный правительством Клемансо, которым продолжительность рабочего дня была снижена до 8 часов, а в последующие десятилетия были приняты законы, установившие гарантии на случаи безработицы, болезней, нетрудоспособности, а также пособия по материнству и родам и т.д.

ли за разрушение несправедливой системы производственных отношений. Согласно их взглядам, новое государство, основанное на политическом правлении пролетариата, воплотило бы в жизнь идею классовой справедливости на обломках капиталистического общества. В этом плане тоталитарное государство не является ни продуктом естественного развития системы, в рамках которой зародилась концепция государства всеобщего благосостояния, ни продуктом развития современного государства, называющего себя государством всеобщего благосостояния и основанного на рыночной экономике и либеральной демократии. Более того, разрушение политических систем государств так называемого реального социализма случилось не из-за достижения всеобщего благосостояния, что теоретически возможно, хотя в истории такого и не было, а потому, что эти государства не смогли выдержать конкуренции с современными социальными государствами.

В немецком конституционализме феномены государства всеобщего благосостояния и социально ориентированной рыночной экономики считаются продуктами неолиберальной и социально-реформистской доктрин и католического учения⁷.

В середине прошлого века Лоренц фон Штайн предсказал возникновение государства всеобщего благосостояния как единственной модели, гарантировавшей спокойствие в социальных отношениях богатого и бедного классов. Стабильность общественного порядка и демократии связывалась с реальностью социальных прав⁸. Если конституционалисты предыдущего столетия считали расширение основных политических прав и особенно всеобщего права голоса средством интеграции в политику бедных классов⁹, то пред-

7 См.: *Kommers D.* The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany, Durham: Duke University Press, 1989. P. 247.

8 «... Если бы богатые правили в интересах бедных, давая им возможность получить образование и заработать капитал, хоть и не сразу, последние стали бы более различными к конституционным формам государства... Какой бы ни была форма правления, будь то монархия, диктатура или демократия, не имеет значения, поскольку получение собственности делает невозможным состояние несвободы, следовательно, собственность гарантирует свободу», см.: vonSteinL. *GeschichtedesozialenBewegunginFraureichvon 1789 bisunsereTageDarmstadt.* Leipzig, 1950. Vol. 3. S. 206.

9 См.: *Мейер Г.* Избирательное право. Т. II. - М., 1906. - С. 8-9.

сказание фон Штайна гарантировало модернизацию рыночной экономики и укрепление демократии.

Современная концепция государства всеобщего благосостояния следует традициям немецкого конституционализма эпохи Веймарской Конституции 1919 года. Это была одна из первых конституций, расширивших перечень основных прав человека и прямо закрепивших ряд экономических и социальных прав¹⁰. Здоровье, семья, материнство, молодость и труд попали под особую защиту общества и государства (статьи 119-121, 157). Социальные права относятся ко второму поколению конституционных прав, и именно они сделали возможным провозглашение принципа государства всеобщего благосостояния. Раздел V Конституции, посвященный регулированию экономики, представляет особый интерес. В некотором смысле он содержит предпосылки формирования современного государства всеобщего благосостояния. Организация экономики должна быть основана на принципе справедливости и гарантировать достойное человеческое существование (ст. 151). Помимо провозглашения неприкосновенности частной собственности было установлено, что собственность сопряжена с определенными обязательствами и что ее использование должно служить интересам не только владельца, но и всего общества (ст. 153). Основной Закон также предусматривал меры поощрения и защиты от давления независимому среднему классу в сельском хозяйстве, промышленности и торговле в целях стимулирования создания кооперативов (ст. 164). Была создана общая система социальной безопасности для охраны здоровья, рабочей силы и социального обеспечения пенсионеров (ст. 161). Веймарская Конституция не только закрепила принцип сотрудничества работодателей и работников в сфере регулирования труда и заработной платы, но и обеспечила Германии возможность стать инициатором реформ в регулировании условий труда и минимального набора социальных прав на международном уровне (ст. 165 и ст. 162). Прогрессивные идеи

10 См.: *Stark C.* Die Grundrechte in Deutschland, Rechtswissenschaft und Rechtsentwicklung. Göttingen, 1980. S. 98.

Веймарской Конституции не нашли своего воплощения в конституционной практике государства того времени, в основном, вследствие экономического кризиса, разразившегося в Германии после Первой мировой войны. Кроме того, трагичным было то, что Конституция ни в какой степени не смогла обеспечить сохранение либерального государства. Традиция, которая вела к укреплению принципа государства всеобщего благосостояния, была прервана развитием тоталитаризма Третьего рейха, одной из миссий которого провозглашалось превращение устаревшей политической демократии Веймарской Германии в часть истории, хотя вскоре и сам Рейх прекратил свое существование как исторический феномен.

В поствоенном германском конституционализме особое внимание вновь было обращено на необходимость укрепления принципа государства всеобщего благосостояния. В ходе обсуждения объема и содержания данного принципа, сторонники различных правовых и политических теорий не только не отвергли его, но и приложили все усилия, чтобы разобраться в его сути так, чтобы он мог стать частью правовой системы. Государственное вмешательство в социальную и экономическую сферу гражданского общества объяснялось необходимостью регулирования постоянно усложняющихся в условиях индустриализации и урбанизации социально-экономических отношений и уменьшением значения традиционных форм заботы о родственниках¹¹. Вопрос о пределах и формах государственного вмешательства в частную и общественную сферы вызвал самые острые дебаты.

Согласно наиболее крайним представлениям, провозглашение государства социальным влечет за собой переоценку и изменение экономических и иных взаимосвязанных с ними отношений, установление гарантий, которые обеспечили бы достойное человеческое существование, сглаживали бы различия в благосостоянии людей и исключали или,

11 См.: *Ritter A. G. Der Sozialstaat*. Munchen, 1989. S. 19-20.

по крайней мере, делали бы подконтрольными отношения зависимости¹².

В соответствии с иным подходом, конституционный принцип государства всеобщего благосостояния порождает определенные обязательства и означает необходимость соблюдения принципа верховенства права в деятельности органов исполнительной и законодательной ветвей, связанной с формулированием основных направлений социальной политики¹³. Формы государственного вмешательства, при помощи которых принцип социального государства воплощается в жизнь, также толкуется по-разному. По мнению самых ярких сторонников этой идеи, государство, как субъект верховной власти, обязано использовать механизмы законодательства и исполнительной власти для планирования, перераспределения и сбалансирования ресурсов, с тем, чтобы уменьшить социальное напряжение и сгладить неравенство, а также предотвратить самоуничтожение общества¹⁴. Другие признают за государством гораздо более ограниченные возможности влияния, ссылаясь на то, что конституция содержит в отношении политических институтов лишь требование принимать в расчет социальные условия¹⁵. Несмотря на значимые различия во мнениях по данному вопросу, государство всеобщего благосостояния всеми рассматривается в контексте западной демократии. Идея о том, что принцип социального государства может использоваться

12 См.: *Zacher H. F. Sozialstaatsprinzip // Handwörterbuch der Wirtschaftswissenschaften*. Stuttgart, 1977. S. 153. В соответствии с разделом I части I Социального кодекса ФРГ цель государства - способствовать укреплению социальной справедливости и безопасности для обеспечения достойной жизни человека и возможности свободного развития граждан, особенно молодежи, чтобы гарантировать перспективу каждому зарабатывать деньги самостоятельно выбранным способом, чтобы предотвратить или компенсировать особую нагрузку путем использования механизмов взаимопомощи и т.д.

13 См.: *Хессе К. Основы конституционного права ФРГ*. - М., 1981. - С. 112; *Kommers D. German Constitutionalism: A Prolegomenon // Emory Law Journal*. Vol. 40. 1991. P. 837, 865.

14 См.: *Bockenforde E. W. State, Society and Liberty*. Oxford, 1991. P. 165-168. Федеральный конституционный суд много раз ссылался на принцип социального государства, хотя и не формулировал направлений развития социального законодательства, «поскольку парламент имеет в этой области полную свободу действий», см.: *Kommers D. Constitutional Jurisprudence of West Germany*. P. 248.

15 См.: *Carpén V. The Constitution of the Federal Republic of Germany*. Baden Baden. P. 189.

для установления тоталитаризма, была абсолютно чужда германскому конституционализму после окончания Второй мировой войны. Такого рода развитие или преобразование было не только отвергнуто в теории, но также исключено самим Основным Законом ФРГ, поскольку оно является нарушением основных принципов и норм, регулирующих права человека и функции политических институтов. Конституционный принцип государства всеобщего благосостояния реализуется через социальные права граждан и действия политических органов власти, которые разрабатывают специальные социальные программы, устанавливают справедливую налоговую политику, регулируют рынок труда и принимают эффективные законы в области труда и социальной безопасности¹⁶.

Что касается Конституции Республики Болгария 1991 года, то она провозглашает приверженность принципу социального государства в явной форме (в Преамбуле), а также косвенно, регулируя некоторые права граждан в социальной сфере.

В ходе разработки Конституции были высказаны некоторые отрицательные мнения относительно необходимости институционализации принципа государства всеобщего благосостояния. При прежнем режиме государство всеобщего благосостояния понималось либо как жалкая пародия на социалистическое государство, создаваемая вследствие большого «влияния социалистического режима и его привлекательности», либо отвергалось, как фикция, прикрывающая обреченный капитализм. Во время переходного периода в государствах «новой демократии» идея государства всеобщего благосостояния получила негативные отклики и была раскритикована по другим основаниям. В основном, в целях пропаганды и, частично, ввиду этимологии, данный феномен принимался за некий суррогат социалистического государства, что было весомым доводом для решительного его отрицания любым, кто поддерживал переход к демократичес-

¹⁶ Государственная защита и ответственность частных лиц должны сочетаться таким образом, чтобы социальная система могла защитить каждого от бедности и в то же время не позволить никому попасть в нее тиски и потерять свободу действий, см.: Ritter G. A. Op. cit. S. 203.

кому режиму. С точки зрения формальной логики, социальное государство подвергалось критике только по причине тавтологии. Как только понятие социального государства (государства всеобщего благосостояния) было вырвано из контекста, в котором оно использовалось в развитых западных демократиях, становились оправданы любые абстрактные смысловые игры с терминами, открывавшие путь к всевозможным спекуляциям. Если придерживаться одного из таких подходов, можно прийти к выводу о том, что само понятие социального государства - это логическое недоразумение. Поскольку каждое государство поддерживает благосостояние, идея государства всеобщего благосостояния - это тавтология¹⁷.

Споры, возникшие в ходе разработки болгарской Конституции 1991 года, привели к тому, что свое четкое выражение принцип социального государства нашел лишь в Преамбуле, в то время как принцип верховенства права был закреплен в самом тексте (абз. 1 ст. 4). Несомненно, это было сделано с учетом, что Преамбула не обладала и не могла обладать такой обязательной силой, как конституционные нормы. Мнение, что Преамбула не обладает никакой иной силой, кроме как моральной, широко распространено среди конституционалистов. О том, так ли это на самом деле, можно вести отдельную дискуссию, но, на мой взгляд, даже двух примеров будет достаточно, чтобы опровергнуть общее несогласие с юридической обязательностью конституционной преамбулы.

Конституция Франции 1958 года не содержит раздела об основных правах и свободах граждан. Но согласно короткой Преамбуле, которая предшествует тексту Конституции, «Французский народ торжественно провозглашает свою приверженность правам человека и принципам национального суверенитета, как они определены Декларацией 1789 г., подтвержденной и дополненной Преамбулой Конституции

¹⁷ Органическая теория государства, разрабатывавшаяся еще в античные времена Платоном и Менениусом Агриппой и позже развитая Отто фон Гирке в контексте ассоциаций в историческом развитии, даёт широкий забор подобных доводов (см. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. - СПб., 1908. - С. 107-114; см. также: *Political Order and Plural Structure of Society.* Ed. by J. W. Skillen and R. M. Mc Carthy. Atlanta, 1991. P. 82-96).

1946 г.»¹⁸. С 1971 года Конституционный совет Франции всегда ссылался на Преамбулу Конституции, когда признавал неконституционными проекты законов или иные акты, посягающие на основные права граждан¹⁹. Следовательно, несмотря на изначальные представления разработчиков Конституции, согласно которым Преамбула, в отличие от норм Конституции, не имеет обязательной силы, сегодня она считается органической частью Основного Закона Франции, фактически обладая такой юридической силой, как конституционные нормы²⁰.

После объединения Германии действие Основного Закона ФРГ 1949 года было автоматически распространено на земли бывшей ГДР. Правовой основой для этого послужило положение Преамбулы Основного Закона, согласно которому Основной Закон ФРГ действует и в отношении тех немцев, которые не имели возможности участвовать в принятии конституции.

Вне зависимости от того, что закреплено в Преамбуле Конституции Болгарии, в основной части четко прослеживается приверженность принципу государства всеобщего благосостояния, когда провозглашаются и обеспечиваются такие основные социальные права, как право на труд (ст. 48), право граждан создавать профессиональные союзы и объединения (ст. 49), социальная безопасность и охрана здоровья (ст. 51, ст. 54), и т.п. Основные права граждан, посредством которых реализуется на практике принцип социального государства, не относятся к естественным правам. Конституция и законодательство о социальном обеспечении являются конституирующей основой для возникновения второго поколения прав. С некоторыми оговорками их можно

18 Имеется в виду Декларация прав человека и гражданина - первый конституционный акт Великой Французской Революции. В то время, как в Декларации были закреплены классические основные права, преамбулой к Конституции 1946 года каталог этих прав был дополнен принципом равенства мужчины и женщины, правом на забастовки, свободой объединения в профсоюзы, правами на безопасный труд, социальную безопасность, жилье, равенство при получении образования в государственных образовательных учреждениях, была введена трудовая повинность и др.

19 См.: *Luchaire F.* Le Conseil constitutionnel. Paris, 1980. P. 173 - 186.

20 См.: *Люшер Ф.* Конституционная защита прав и свобод личности. - М., 1993. - С. 30, 42 - 47.

рассматривать и как часть позитивного статуса гражданина в соответствии с классической конструкцией Г. Еллинека²¹.

Природа конституционного принципа государства всеобщего благосостояния становится ясной при анализе конституционных прав второго поколения, а также системы юридических гарантий их реализации и требований основного закона к распределению компетенции, порядку осуществления ряда процедур и актам органов государственной власти.

Проблема реализации конституционных норм имеет, как минимум, два аспекта. С одной стороны, речь идет о возможности осуществления положений конституции в зависимости от их места в тексте основного закона и содержания иных норм права. С другой стороны, большое значение имеет вопрос о том, позволяет ли социальная реальность исполнять все требования конституции. Хотя второй аспект может показаться метаправовым, чрезвычайно важно его иметь в виду, потому что он позволяет произвести довольно точную оценку того, является ли конституционное регулирование реальным или фиктивным. Безусловно, конечный результат обуславливается и юридическими, и фактическими аспектами правоприменения.

С юридической точки зрения принцип социального государства охраняется нормами конституции и может быть претворен в жизнь путем принятия социального и трудового законодательства.

Фактическая реализация принципа государства всеобщего благосостояния в развивающихся демократиях переходного периода весьма проблематична. Кризис экономического потенциала этих стран, обосновывающий необходимость функционирования социального государства, - это в то же время серьезный аргумент против провозглашения подобного принципа, и аргумент этот будет сохранять силу в течение некоторого времени.

21 Пассивный статус включает обязанности гражданина, негативный статус гарантирует часть гражданских свобод в тех сферах, где государственное вмешательство не является необходимым, позитивный статус включает права, реализуя которые гражданин может требовать от государства выполнения его обязательств, а активный статус дает гражданам возможность оказывать влияние на государство, см.: *Jellinek G.* System der Subjectiven Offentlichen Rechte. Tubingen, 1905. S. 81.

Либеральное государство и государство всеобщего благосостояния: их роль и соотношение

Социальное государство - это, по видимости, противоположность либеральному государству. Вот почему сторонники классического либерализма и современного консерватизма, имеющего истоки в теории классического либерализма XVIII и XIX вв., полностью отрицают принцип социального государства.

Противоречие между либеральным и социальным государством реально и неоспоримо, когда либерализм понимается весьма узко и сводится к постулату (важному, но в действительности не единственному) о необходимости ограничения вмешательства государства в частную и общественную сферы. Этот постулат доктрины либерализма является общеизвестным.

Но первичным благом, во имя которого и ссылаясь на который либеральные мыслители строят свои системы разумных доводов, принципов и ценностей, является не ограничение вмешательства государства, а свобода граждан.

Ограничение вмешательства государства в частную и общественную сферы призвано гарантировать свободу, но если существует угроза в отношении существования самой свободы, то государственное вмешательство и правовое регулирование оправдываются целью защиты свободы индивида как высшей социальной ценности.

В рамках некоторых представлений либеральное и социальное государства различаются как слабое и сильное государство. На самом деле, такие взгляды не поддерживаются даже самыми яркими сторонниками классического либерализма, которые проводят четкую границу между сужением пределов государственного вмешательства, конституционными ограничениями власти и уменьшением функций государственной власти²².

²² Алекс де Токвиль чрезвычайно логично и убедительно показал, что либеральная партия стоит на позиции «энергичного управления, функционирующего в рамках допустимой сферы», см.: de Tocqueville A. Selected Letters on Politics and Society. Berkley, 1985. P. 113).

Практическая реализация принципа социального государства или его отдельных элементов всегда подвергалась критике со стороны различных политических сил и отражала определенный этап экономического развития гражданского общества. Формула ограничения власти всегда означала введение и соблюдение конституционных ограничений в отношении государства, которое рассматривалось, в основном согласно учению Макса Вебера, как аппарат власти и субъект легитимной монополии на применение насилия, а не как свободное объединение членов гражданского общества.

Присутствие концепции государства всеобщего благосостояния в системе ценностей современного либерализма, который превратился в либерализм социальный или либеральную демократию, - это неоспоримый факт²³. Истоки этой концепции, однако, лежат в либеральных политических доктринах, которые исторически предшествовали ограничению абсолютизма королевской власти или развивались параллельно.

Хотя этот аспект еще не разработан, концепция социального государства основана на теории общественного договора. Достигнутое соглашение о создании государства, передача ему некоторых естественных прав, превратившихся тем самым в позитивные, отделение от государства гражданского общества призваны гарантировать свободу, безопасность и защиту индивида совместными усилиями. При таком подходе социальная природа государства производна от общественного договора и подразумевает регулирование свободы индивидов с целью предотвращения угрозы дезинтеграции или посягательств на мирное существование общества²⁴.

По сути, государственное вмешательство является гарантией свободы и существует даже на начальных стадиях развития либерального конституционализма. И это не случайно. Гарантируя безопасность, государство осуществляет

²³ Леонард Гобхаус в его небольшой, но важной работе «Либерализм», пожалуй, первым из внушительной армии сторонников этой теории объяснил феномен увеличения доли государственного вмешательства в сферу экономики и в социальную сферу с целью защиты свободы, а также обязанность государства создавать условия для жизнедеятельности граждан, см.: Hobhouse L. T. Liberalism. Oxford, 1964. P. 74-109).

²⁴ См.: Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 3. - М., 1988. - С. 336.

вмешательство в частную сферу с целью охраны свободы индивида. Тот факт, что политика *laissez-faire* соответствует тенденции ограничения абсолютизма королевской власти и отрицает патриархальный и патримониальный характер государства, не исключает полностью государственного вмешательства. Даже самые верные защитники минималистского характера государства не считают, что политические институты должны быть только пассивными наблюдателями стихийного развития общества. Связь между свободой и элементарными формами государства всеобщего благосостояния имеет несколько измерений. Посредством позитивного права государство устанавливает границы свободы индивида, поскольку осуществление прав не должно посягать на свободу других людей²⁵. С другой стороны, энтузиазм сторонников либеральной демократии в отношении принципа верховенства права объясняет их позицию по вопросу о взаимозависимости юридического равенства и свободы²⁶. Наконец, вследствие функционального пересечения разных сфер свободы, которые воплощаются в тех или иных правах,

25 Эта идея была заложена еще в ст. 4 знаменитой французской Декларации прав человека и гражданина, в которой закреплялось, что «свобода означает возможность делать все, что не вредит другому, таким образом, осуществление естественных прав каждого человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами». Следуя формуле Монтескье, авторы Декларации определили, что границы свободы устанавливаются только законом. Сам Монтескье отмечает, что «свобода - это право делать то, что разрешено законом, и если бы гражданин мог делать то, что запрещено, он бы не обладал свободой, потому что его сограждане могли бы делать то же самое» (см.: Монтескье Ш. За духа на законе. - С., 1984. - С. 225). В своем докладе в Конституционном комитете 21 июня 1789 г. Сийес отметил, что границы свободы индивида устанавливаются так, чтобы не была нарушена свобода других (см.: Великая французская буржуазная революция. Избранные документы. - София, 1989. - С. 160). В США судья Холмс использовал наглядный пример: «Мое право размахивать кулаками заканчивается там, где начинается чужой нос» (см.: Cummings M. C., Wise D. Democracy under Pressure. Lexington, 1977. P. 94).

26 Как пишет К. фон Роттек, «концепция социального объединения и формирования коллективной воли подразумевает равенство и свободу каждого в рамках этого объединения. Соответственно, в конституционной системе обеспечивается равенство права участвовать в распределении благ, получаемых от этого объединения, равенство правовых и судебных гарантий индивидуальной свободы и права приобретать и обладать собственностью...», см.: von Rotteck K. Konstitution, Staatslexikon. V. III. Altona, 1843. S. 767-768; см. также одно из лучших исследований, посвященных проблеме соотношения равенства и свободы в концепции либерализма: de Tocqueville A. Democracy in America. V. II. New York, 1945. P.99-100.

либеральная доктрина не замалчивает и не отделяет развитие социальной свободы от демократизации политических прав.

Расширение политической свободы определяет развитие демократии в других сферах общественной жизни и увеличение социальных функций государства²⁷. Поэтому неудивительно, что еще в начале 19-го века самый известный, без сомнения, представитель классического либерального конституционализма Б. Констан²⁸ ввел и часто использовал термин «государство благоденствия», хотя он придавал ему совершенно иной смысл по сравнению с тем, что в настоящее время понимается под «государством всеобщего благосостояния».

Таким образом, свобода, справедливость, безопасность и социальная солидарность - это те факторы, которые, несмотря на их неразвитость, лежали в основе эволюции либерализма. В современной теории конституционализма был разработан принцип государства всеобщего благосостояния. Поэтому традиционное противопоставление либерального и социального государства весьма условно. Более важно различие между минималистским государством и государством, которое в результате преодоления этатизма и посягательств на основные принципы политической демократии может стать тоталитарным. Фактически, существует

27 Н. Боббио хорошо иллюстрирует эту взаимозависимость посредством постепенного движения к всеобщему избирательному праву: «Когда правом голосовать были наделены только собственники, они, естественно, требовали от государства выполнения только одной функции - защиты собственности. Когда право голоса получили неграмотные, они потребовали от государства создать свободные школы. Когда право голоса было предоставлено тем, у кого ничего не было, кроме физических сил, они потребовали от государства защитить их от безработицы и предоставить им социальную безопасность в случае болезни, пенсии, гарантировать защиту материнства, а также обеспечить возможность приобретать доступное жилье и т.д.», см.: Bobbio N. Il futuro della democrazia. Torino, 1985. P. 24).

28 Принцип государства всеобщего благосостояния, безусловно, рассматривается через призму исторического развития. Констан понимал под этим гарантии свободы в условиях распространения права голоса на всех, равенство всех видов собственности и запрет монополий. Кроме того, следуя внутреннему чувству динамики исторического развития, он отмечал, что «... многие вещи, которые кажутся необходимыми, станут ненужными, в то время как то, что кажется трудным, парадоксальным или даже преступным станет необходимым», см.: Constant B. Oeuvres. Paris, 1957. P. 838.

множество государств, которые находятся между минималистским и тоталитарным типами. Посередине существуют различные типы либерального и социального государства, но ни один из них не заменяет крайние формы. Кроме того, в конституционной практике разных государств на различных этапах их исторического развития встречается гораздо больше примеров различных типов государств, чем выделяемые в теории две крайности - либеральное или социальное государство.

Не претендуя на полноту и, тем более, на неопровержимость, предлагаем различать несколько типов государств в зависимости от интенсивности их вмешательства в жизнедеятельность гражданского общества и в сферу гражданской свободы. Также необходимо принимать во внимание степень автономии в отношении свобода - государственная власть. Тенденция к огосударствлению в рамках демократического режима уравнивается увеличением влияния граждан, реализующих свои политические права и свободы на формирование политических институтов и их деятельность. Следовательно, увеличение функций государства непосредственно связано с развитием демократии участия, оказывающей существенное влияние на функционирование институтов политического представительства.

Минималистское государство - это одна из крайностей в подобной классификации. Появившееся в конце 18-го и сохранившееся в ряде стран до начала 20-го века, оно было призвано сломить абсолютизм королевской власти. В таких государствах практиковалось самое ограниченное вмешательство в жизнедеятельность гражданского общества и сферу гражданской свободы²⁹, в то же время политические права были не всеобщими, а принадлежали сравнительно узкому кругу лиц.

Начало 20-го века и особенно эпоха после Первой мировой войны характеризовались огосударствлением политики и либерализмом в экономике, что было связано с развитием демократии участия.

29 Одно из лучших описаний минималистского государства было представлено в книге: фон Гумбольдт В. Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства // Язык и философия культуры. - М., 1985. - С. 25- 141.

Демократическое государство всеобщего благосостояния, каковым является, например, Италия или скандинавские страны, - продукт эволюции конституционализма после Второй мировой войны.

Социальное государство, либеральное в отношении политической сферы, представляет собой комбинацию демократии участия и развития экономических и социальных функций государства, регулирующего экономические отношения гражданского общества и гарантирующего основные права второго поколения.

Для авторитарного государства характерно ограничение демократии в политической сфере и невозможность выполнять некоторые социальные функции. Патерналистское государство осуществляет больше социальных функций, но его активное вмешательство в сферу гражданской свободы приводит к его краху и превращению в авторитарное государство³⁰.

В тоталитарном государстве, которое поглощает гражданское общество, ограничивается политическая свобода и разрушается политическая сфера, что является другой крайностью в нашей классификации.

Само государство всеобщего благосостояния (социальное государство) может иметь разный уровень развития в конституционной практике различных стран. Институционализация принципа социального государства может быть осуществлена посредством закрепления соответствующих норм в конституции, законодательного регулирования социальной сферы и установления гарантий социальных прав. В некоторых случаях может проводиться централизованное (но не тотальное) планирование экономики и социального развития. Наконец, государство можно считать государством всеобщего благосостояния, когда оно, в отличие от минима-

30 Патернализм означает, прежде всего, ограничение свободы индивида государством, под прикрытием целей обеспечения индивидуального, группового или общего благосостояния, удовлетворения нужд и интересов. «Патернализм всегда означает ограничение свободы некоторых индивидов в их интересах, но также может означать и вторжение в сферу свободы других лиц, чьи интересы не принимаются во внимание», см.: Philosophy of Law / Ed. By J. Feinberg and H. Gross. Belmont, 1992. P. 232.

листского, выполняет важнейшие социальные функции. Рассматривая различные типы государства следует исходить из контекста современной западной демократии. В этом смысле государство всеобщего благосостояния должно основываться на индивидуализме, признавать и гарантировать права человека: любое индивидуалистское государство - это государство общего блага, поскольку оно основывается на общественном договоре и обеспечивает общее благосостояние.

Вследствие беспрецедентного характера «переходного этапа» в конституционной практике «новых» демократий встречаются неожиданные отклонения от классических принципов и представлений о функциях государства. С одной стороны, переход к открытой политике, снятие ограничений политической свободы и развитие демократии участия должны соответствовать современным требованиям и стандартам международного права и лучшим моделям конституционного устройства. С другой стороны, вследствие экономического кризиса и сложностей, возникающих при построении рыночной экономики, государства бывшего СССР выполняют социальные функции на таком уровне, какой для западных демократий остался далеко в прошлом. Государство не может быть социальным, но не является оно и минималистским. Ему приходится активно вмешиваться в сферу экономики, хотя и с использованием совсем иных средств, чем поглощение гражданского общества или прямое администрирование в экономике, как при прежнем режиме.

Из-за старого стереотипа о том, что благосостояние индивида зависит не от его инициативы, а от благожелательности к нему государства, а также вследствие ожиданий, что именно государство уладит трудности, возникающие в период трансформации, принцип государства всеобщего благосостояния может быть искажен. Привычка опираться на чью-то поддержку и «уравнительные» иллюзии о равенстве, заместившие признание равенства шансов индивидов, отличающихся по своим способностям, могут привести к гипертрофированию принципа и преувеличению значения функции перераспределения в экономике с целью сглаживания характерных для рыночной экономики различий в конечных

результатах. Другое возможное отклонение, которое искажает суть принципа, - это подмена социального государства патерналистским. Таким образом, государство всеобщего благосостояния может быть деформировано даже без превращения в тоталитарное или авторитарное. Патерналистское государство, безгранично вмешивающееся во все сферы жизни во имя свободы, является, на самом деле, большим злом, чем то, которое пытается подавить свободу.

Несмотря на все оговорки, связанные с государствами, имеющими экономический потенциал и психологические особенности переходного периода, в настоящее время иногда превращающими принцип государства всеобщего благосостояния в конституционную фикцию или искажающими его в ходе реализации, достигнутые в будущем рыночная экономика и политическая демократия должны будут усилить этот принцип. Это касается как отдельных государств, так и Европейского союза, как объединения государств благосостояния. Принцип социального государства переживет идеологические аргументы не потому, что он означает возврат к социализму, а потому, что невозможно обеспечить безопасность общества, социальную справедливость, свободу и демократию, если наряду с принципом верховенства права не провозгласить принцип государства всеобщего благосостояния.

Заключение

Принцип государства всеобщего благосостояния необходимо исследовать во взаимосвязи с другими основными принципами конституционной демократии и с учетом глобализации и европейской интеграции в контексте многоуровневого конституционализма и конституционного плюрализма. Одной из тенденций в исследованиях конституционного и коммуитарного права является изучение взаимосвязи гарантий социальных прав, устанавливаемых на национальном и на наднациональном уровнях, а также установление содержания прав, закрепленных Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Хартией ЕС о правах человека.

Conclusion

The principle of the universal welfare state is necessary to study within the interrelation with other fundamental principles of constitutional democracy and taking into consideration globalization and European integration in the context of multilayer constitutionalism and constitutional pluralism. One of the tendencies of the studies of constitutional and community law is study interrelation of guarantees of the social right established on the national and sub-national levels, as well as establishment of contents of rights enshrined by the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms and Charter of EU on Human Rights.

Г. Арутюнян

*Председатель Конституционного Суда
Республики Армения, доктор юридических наук,
профессор*

А. Вардеванян

кандидат юридических наук

**Роль Конституционного Суда в обеспечении
непосредственного действия основных прав:
доктрина Конституционного Суда
Республики Армения**

Конституционное право и международная конституционная практика придают особую важность гарантированию непосредственного действия прав человека. Только таким путем можно гарантировать верховенство права и верховенство Конституции.

Доктринальные подходы Конституционного Суда Армении к этой проблеме исходят из того, что задачи обеспечения непосредственного действия прав человека требуют, в частности, четкой позиции конституционных судов в следующих вопросах:

Во-первых, в чем состоят конституционный характер и содержание понятия “непосредственное действие” прав?

Во-вторых, каковы гарантии непосредственного действия прав человека?

В-третьих, как в судебной практике возможно гарантировать непосредственное действие прав человека?

Какова международная конституционная практика в отношении этого вопроса?

В конституциях разных стран в качестве основополагающего конституционного положения, в частности, закреплено:

- “Нижеследующие основные права обязательны для законодательной, исполнительной власти и правосудия как непосредственно действующее право” (часть 3 статьи 1 **Конституции Федеративной Республики Германия**).

- “Конституционные принципы об основных правах и свободах и их гарантиях являются нормами прямого действия и обязательны для всех государственных и частных органов” (первая часть статьи 28 **Конституции Анголы**).

- “Все признанные Конституцией права являются непосредственно действующими и пользуются одинаковыми гарантиями их защиты” (первая часть статьи 109 **Конституции Боливии**).

- “При осуществлении власти народ и государство ограничены этими правами и свободами как непосредственно действующим правом” (статья 7 **Конституции Грузии**).

- “Конституционные положения об основных правах и свободах и их гарантиях являются нормами прямого действия и обязательны для всех государственных и частных лиц и органов” (первая часть статьи 18 **Конституции Португалии**).

- “Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими” (статья 18 **Конституции Российской Федерации**).

- “Публичная власть ограничена основными правами и свободами человека и гражданина, являющимися непосредственно действующим правом” (статья 3 **Конституции Республики Армения**).

- В Конституции Польши есть более обобщенная формулировка: “Положения Конституции применяются непосредственно, если Конституцией не установлено иное” (статья 8).

Упомянутые и другие аналогичные конституционные положения предполагают:

Во-первых, отсутствие единого подхода как к характеру непосредственно действующих прав, так и к их содержанию. Если в некоторых странах непосредственно действующими считаются **основные права** человека и гражданина (Германия, Ангола, Португалия, Армения), то в других – таковыми считаются все права (например, Боливия, Российская Федерация и др.).

Во-вторых, если в одном случае особо подчеркивается обстоятельство непосредственного действия прав и проблема его обеспечения (например, Боливия, Российская Федерация), то в другом случае основной акцент делается на проблеме ограниченности власти этими правами (например, Германия, Ангола, Грузия, Армения и др.).

В обоих случаях имеем дело с такой органически взаимосвязанной правовой реальностью, где делается конституционная попытка уточнить цель и основную гарантию ее реализации. Цель – обеспечение непосредственного действия прав человека. **Ее основная гарантия – закрепление обязательного, ограничительного характера этих прав для властей.**

Мы считаем, что это одно из главных достижений современной конституционной мысли.

Одна из основных характерных черт конституционных систем правового демократического государства заключается в том, что даже народ, являющийся носителем и источником власти, не может принять такую Конституцию, в которой верховенство права не гарантировано. Иначе говоря, **непосредственное действие прав человека является ограничительным фактором и для народа при осуществлении им принадлежащей ему власти.**

Это обстоятельство имеет методологическое значение с точки зрения гарантирования верховенства права.

В контексте указанного необходимо отметить, что Европейский суд по правам человека в своих решениях напрямую не обращался к непосредственному действию прав человека, однако обращался к вопросу непосредственного действия прав, закрепленных в **Конвенции о защите прав человека и основных свобод**. Например, в Решении от 18 января 1978 года Ирландия против Соединенного Королевства (Ireland V. The United Kingdom) Суд четко установил, что, заменив термин “обязуются обеспечить” на термин “обеспечивают”, разработчики Конвенции хотели уточнить, что установленные в разделе I Конвенции права и свободы непосредственно будут обеспечиваться для каждого, находящегося под юрисдикцией договаривающихся сторон (см. *Ирландия против Соединенного Королевства, жалоба номер*

5310/71, Решение от 18 января 1978 года, абзац 239). Из решения Суда можно сделать вывод, что установленные в разделе I Конвенции права и свободы в государствах-членах Совета Европы являются непосредственно действующими правами.

Заслуживают внимания также договоры и соответствующие документы Европейского союза. Так, Люксембургский Суд правосудия еще **в вынесенном в 1963 году решении по делу Ван Генд ен Лоос установил, что статья 12 Договора “Об учреждении Европейского экономического сообщества” наделена силой непосредственного действия.** Указанное Решение в дальнейшем не раз перетверждалось Судом правосудия, следовательно, оно считается основанием для рассмотрения соответствующих договоров Европейского союза как непосредственно действующих. Следовательно, к их числу относится также **Хартия Европейского союза об основных правах.** Надо отметить также, что статья 288 принятого в 2007 году Договора о деятельности Европейского союза четко устанавливает, что регламентирования Европейского союза обязательны и **непосредственно действуют во всех государствах-членах.** То есть права, закрепленные в договорах Европейского союза, а также в принятых регламентированиях, являются для государств-членов непосредственно действующими правами.

В соответствии с доктринальными подходами Конституционного Суда Республики Армения, несмотря на особенности конституционных и судебных формулировок, непосредственное действие прав человека как минимум предполагает:

- 1) человек в суде, ссылаясь на непосредственное действие своих прав, может надеяться на их равноценную защиту;
- 2) на конституционном уровне должны создаваться функциональные и институциональные гарантии судебной защиты непосредственно действующих прав человека.

В настоящее время более эффективной формой реализации этой цели считается внедрение института полноценной конституционной жалобы¹.

¹ См. **Study on Individual Access to Constitutional Justice.** Adopted by the Venice Commission at its 85th Plenary Session (Venice, 17-18 December 2010). On the basis of comments by Mr. Gagik Harutyunyan, Ms Angelika Nussberger, Mr Peter Paczolay. Published by the Center of the Constitutional Law RA, 2012, p. 268.

Общий вывод заключается в том, что и во внутригосударственном праве, и в международном праве гарантирование непосредственного действия прав человека рассматривается как наиважнейшее условие гарантирования верховенства права. Задача в том, как это обеспечить.

Этот вопрос был особо обозначен при разработке Концепции конституционных реформ в Армении. Дело в том, что во всех тех странах, где на конституционном уровне четко не разграничены основные классические права и права социальной, экономической, культурной сфер, под вопрос ставится реализация требования непосредственного действия основных прав. Как правило, основные социальные права и права на свободу в структурном аспекте в корне отличаются друг от друга. Если гарантирующие свободу основные классические права человека в первую очередь требуют от государства воздержания от вмешательства в эти права, то большинство основных социальных прав, наоборот, требует позитивных действий публичной власти с целью осуществления этих прав.

Основополагающие конституционные решения требуют разграничить основные социальные права и цели государства, исходя из требований правовой определенности и четкости. Все те касающиеся социальной сферы положения, которые обязывают только законодателя и исполнителя, должны рассматриваться как цели политики государства, поскольку они не являются непосредственными правовыми требованиями индивида, а содержат только цели, которые государство должно реализовать “по мере возможности”. В отличие от основных прав, цели государства – это лишь объективно-правовые положения, и они не создают субъективных прав.

В то же время надо иметь в виду, что есть много основных прав относительно социальной сферы, которые являются непосредственно действующими правами (например, право на свободу выбора труда или право на забастовку) и которые можно защитить также путем конституционного правосудия.

Опасность закрепления основных “классических” и социальных прав без их разграничения, **с одной стороны,** заклю-

чается в том, что строгая обязательность основных “классических” прав может вызвать нереализуемые ожидания также в случае основных социальных прав, **с другой стороны**, наоборот, обязательность меньшей степени, которую имеют основные социальные права, может смягчить строгие требования, предъявляемые основным “классическим” правам.

Одно из важнейших решений этой задачи – разграничение, с одной стороны, основных “классических прав”, а с другой стороны, законодательных гарантий и целей государства в социальной сфере. Подобное разграничение позволяет выделить все те основные права, непосредственно опираясь на которые лицо сможет защитить свои конституционные права также посредством индивидуальной конституционной жалобы.

Вышеупомянутые уточнения важны также с точки зрения проблемы ограничений прав человека. Учитывая разнообразие тех легитимных интересов, которые могут быть необходимы для ограничения основных прав, перечень этих требований не может быть исчерпывающим. Однако Конституция как минимум должна закреплять те требования, которые получили всеобщее признание в современном конституционном праве, а также в части 1 статьи 52 Хартии Европейского союза об основных правах. Речь, в частности, идет о четком закреплении принципов соразмерности, определенности и ненарушения сущности права. В то же время Конституция должна устанавливать особые требования к регулирующим основные права законам, цель которых – создание процедурных предпосылок эффективного действия основных прав.

Другая основная задача заключается в установлении необходимых конституционных механизмов для реализации принципа непосредственного действия основных прав институтами правосудия.

Мы также пришли к заключению, что в тех странах, где не обеспечены соответствующие механизмы реализации права человека на конституционное правосудие, невозможно эффективно обеспечить непосредственное действие основных прав.

Как было отмечено, основной путь обеспечения непосредственного действия основных прав – это внедрение института полной конституционной жалобы.

В тех странах, где граждане могут обращаться в Конституционный Суд только по вопросам конституционности примененной в отношении их нормы закона, может быть полезен опыт нашей страны. На основе правовых позиций Конституционного Суда Парламент Армении внес соответствующие изменения в Закон о Конституционном Суде, а также в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы. В частности, в Закон о Конституционном Суде были добавлены следующие положения:

- ст. 68, часть 8 - "Конституционный Суд может принять одно из следующих постановлений:

1) о признании оспариваемого акта или его оспариваемого положения соответствующим Конституции;

1.1) о признании оспариваемого акта или его оспариваемого положения соответствующим Конституции в конституционно-правовом содержании, раскрытом постановлением Конституционного Суда;

2) о признании оспариваемого акта полностью или частично противоречащим Конституции и недействительным".

- Ст. 69, часть 12 – "В случае признания недействительным и противоречащим Конституции положения закона, примененного в отношении заявителя, а также в том случае, когда Конституционный Суд, раскрыв в резолютивной части постановления конституционно-правовое содержание положения закона, признал его соответствующим Конституции и одновременно нашел, что это положение применено в отношении него в ином толковании, вынесенный в отношении заявителя окончательный судебный акт подлежит пересмотру на основании вновь открывшегося обстоятельства в установленном законом порядке".

Из приведенных положений вытекает, что Конституционный Суд по индивидуальным жалобам оценивает также конституционность правоприменительной практики, что является дополнительным гарантом обеспечения непосредственного действия основных прав.

В заключение хотим добавить, что данный доктринальный подход нашел также свое отражение в последних изменениях Конституции Армении, принятых всенародным рефе-

решением от 6 декабря 2015 года. В частности, пункт 9 статьи 169 Конституции устанавливает, что в Конституционный Суд может обращаться каждое лицо – по конкретному делу, когда имеется окончательный акт суда, исчерпаны все меры судебной защиты и оспаривается конституционность примененного в отношении него этим актом положения нормативного правового акта, что привело к нарушению его основных прав и свобод, закрепленных в Главе 2 Конституции, с учетом также толкования, данного соответствующему положению в правоприменительной практике.

Данное конституционное положение опосредованно делает возможной оценку конституционности судебных решений, вместе с этим минимизирует функциональные и институциональные противоречия внутри судебной власти при полной конституционной жалобе.

G. Harutyunyan

*President of the Constitutional Court
of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Professor*

A. Vardevanyan

Candidate of Law Sciences

The role of the Constitutional Court in ensuring direct applicability of the fundamental rights: doctrine of the RA Constitutional Court

Summary

The article highlights the doctrinal approaches of the Constitutional Court of Armenia in regard to the challenges of ensuring direct action of human rights which particularly require precise position of constitutional courts regarding the following questions:

First, what is the constitutional legal nature and content of the concept of "direct application" of rights?

Second, what are the guarantees for direct applicability of human rights?

Third, how can direct applicability of human rights be ensured in judicial practice?

The authors conclude that in all the countries, where on the constitutional level the classical fundamental rights and the rights in the social, economic, cultural spheres are not separated, the requirement of implementation of direct applicability of fundamental rights is questionable.

Н. Бондарь

*Судья Конституционного Суда Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

**Конституционные ценности и политика:
конституционализация политики,
но не политизация конституционных
ценностей***

Статья подготовлена в порядке научной дискуссии с авторами представленной в данном номере статьи профессорами П.П. Барановым и А.И. Овчинниковым по проблемам конституционных ценностей и современной конституционно-правовой политики России. Представляя свое видение данной проблематики, автор указывает на ряд важных аспектов практической конституционно-судебной аксиологии, выдвигает тезис о сочетании в категории конституционных ценностей социокультурной сущности, политико-правового содержания и метаюридической формы. На этой основе обосновывается аксиологический плюрализм Конституции Российской Федерации, который имеет не политико-идеологические, а правовые (юридические) характеристики: он реализуется на основе сочетания в системе современного конституционного регулирования естественно-правовых и юридико-позитивистских начал. Это необходимо учитывать и при выработке перспектив развития конституционно-правовой политики, имея в виду

* Настоящая статья публикуется из Журнала конституционного правосудия (№1(49)/2016) с согласия автора.

недопустимость политизации и идеологизации конституционных ценностей как категории действующего права. Отмечается, что современное понимание Конституции позволяет говорить о ней как о саморазвивающейся динамической системе, обладающей внутренним содержательно-ценностным, институциональным потенциалом для адаптации к изменяющимся социально-историческим условиям. При этом именно через конституционный контроль конституционализм превращается в «живой» конституционализм; посредством конституционно-судебной аксиологии как механизма соотношения, взвешивания и согласования конституционных ценностей конституционализм приобретает системно-всеобъемлющий корректирующий, правоохранный, правосстановительный и правообразовательный характер.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, конституционно-судебная аксиология, конституционные ценности.

Ознакомившись с представленной в редакцию журнала рукописью статьи моих земляков - уважаемых профессоров П.П. Баранова и А.И. Овчинникова еще до выхода ее в свет, посчитал целесообразным предложить в дополнение к ее прочтению некоторые размышления по этой чрезвычайно актуальной проблеме. Речь идет не столько о несогласии с отдельными положениями (хотя и это имеет место), сколько о некоторых сомнениях и желании высказать дополнительные соображения, которые вполне естественны в связи с исследованием столь актуальных и во многом дискуссионных вопросов.

К тому же это связано в конечном счете еще и с профессионально-прагматическими интересами (а не только исходя из «любви к чистой науке»), с желанием еще раз обратить внимание на некоторые принципиальные аспекты активно формирующейся в настоящее время конституционной аксиологии. В этом плане, пожалуй, есть все основания с удовлетворением отметить, что данное направление научных исследований развивается у нас не с позиций анализа абстрактных конституционных идей, принципов и ценностных начал, а

прежде всего как направление *практической конституционно-судебной аксиологии*¹.

Это и понятно, имея в виду, с одной стороны, прикладное значение конституционной аксиологии для судебной власти и, с другой - роль судебной власти в развитии, обогащении нормативного содержания и доктринального обоснования категории конституционных ценностей. Ведь *судебная деятельность, во-первых*, как никакая другая форма государственно-властной деятельности, основана на необходимости максимального использования ценностных подходов в исследовании и принятии решений, что особенно ярко проявляется в нормоконтрольной, в частности конституционно-судебной, деятельности; *во-вторых*, глубинный смысл судебной деятельности органов конституционного контроля проявляется в конечном счете в определении не просто приоритетов ценностных начал в системе тех или иных конфликтных отношений, конституционных споров, а в поиске баланса между несопадающими интересами и ценностями; уже это, в-третьих, предполагает, что органы конституционного правосудия не только активно используют в своей деятельности ценностные подходы, пользуются инструментарием конституционных ценностей как категорией действующего права, критерием нормоконтрольной деятельности, но при этом неизбежно проникают, вторгаются посредством прежде всего своей интерпретационной деятельности в их социальное и нормативно-правовое содержание, актуализируют его, в том числе, путем приращения нормативного содержания

¹ В подтверждение этого обстоятельства достаточно назвать такие работы, как, например: *Зорькин В.Д.* Аксиологические аспекты Конституции России // Конституционные ценности в теории и судебной практике: сб. докладов. - М., 2009; его же. Современный мир, право и Конституция. - М.: Норма, 2010. - С. 80-112; *Бондарь Н.С.* Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. - М.: Юрист, 2014; *Кравец И.А.* Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004; *Крусс В.И.* Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2; *Маврин С.П.* Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3; *Пресняков М.В.* Критерии справедливого баланса конституционных ценностей в деятельности Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 4.

конституционных положений наиболее общего характера, выступающих в виде принципов, основ, норм-дефиниций, норм-презумпций как юридических эквивалентов конституционных ценностей; более того, и это в-четвертых, благодаря данной особой форме государственно-властной, конституционно-судебной деятельности становится возможным, когда органы конституционного контроля выступают своего рода генератором в чем-то новых, не получивших конкретного юридического оформления в тексте Основного Закона, но вытекающих из самого духа Конституции ценностей.

Все это предполагает необходимость внимательного исследования как социально-политического (социокультурного) содержания, так и особенностей юридической природы данной категории, что, в частности, имеет принципиальное значение и для исследования ее места и назначения в осуществлении конституционно-правовой политики современной России. Соответственно, представляется важным обозначить в этом плане хотя бы несколько вопросов.

1. Конституционные ценности – политико-идеологическая или правовая категория?

Этот вопрос актуален еще и потому, что из прочтения соответствующей статьи, как, впрочем, и из некоторых других публикаций, вытекает некое сомнение в том, *насколько действующая Конституция отвечает национальным ценностям*. Не закрепляет ли она, как считают авторы, чуждые нам ценности либеральной идеологии, отражающие «преимущественно западные идеалы, т.е. ценности материального характера, а не духовно-нравственного», имеется ли в Конституции непреодолимый «ценностный дисбаланс»?

Для ответа на эти весьма острые вопросы необходимо прежде всего уяснить природу конституционных ценностей, в том числе с точки зрения наличия в них политико-идеологических, социокультурных начал в соотношении с нормативно-правовыми характеристиками.

Следует начать с того, что само понятие ценности является универсальным и многомерным, охватывает все

области и уровни социальной жизнедеятельности, в том числе - находящиеся в сфере конституционно-правового воздействия. Формирование ценностных подходов к тому или иному явлению (объекту) требует генерирования оценки, т.е. субъективно-волевой фиксации объекта в соответствии с избранным масштабом и критериями определенной полезности, объективной и (или) субъективной необходимости, политической и (или) экономической целесообразности и т.п. В сфере конституционного регулирования, имеющего системообразующий для правовой системы характер, это позволяет обнаружить («снять») некий идеализированный слепок (модель) *аксиологических конституционных начал*, которые имеют непосредственное нормативное оформление в конституционном законодательстве. При этом особенность конституционного регулирования в том, что оно способно нормативно выразить социальные ценности во всем многообразии форм их существования, включая общественные идеалы (цели, задачи), основополагающие установки развития общества и государства (принципы, основы), личностные ценности (имея в виду конституционную ценность достоинства личности, ее индивидуальной автономии и самоопределения, их границы и объективные пределы), ценности семьи, материнства, детства, равно как и своего рода предметные, овеществленные ценности (например, ценность земли и иных природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов) и т.п.²

Конституционные ценности выступают в качестве отраженных в Конституции (в той или иной форме, прямо или косвенно) важнейших объективно существующих *социальных ценностей*, которые качественно характеризуют государственно-правовые явления высшего порядка, связанные с осознанием обществом - через призму общедемократического опыта и национально-исторической практики - идей человеческого достоинства, добра и справедливости, фундаментальных целей и норм развития, наиболее целесообразных

² О формах существования ценностей см. подробнее: *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4.

форм общественного и государственного устройства. В этом плане они объективно не могут не «впитывать» в себя *социокультурные характеристики*; посредством же конституционного закрепления они трансформируются в конституционные идеи-принципы, основы, начала и обретают *формально-юридическую нормативность*. В последующем в результате их восприятия отдельными индивидами, социальными группами, обществом в целом соответствующие юридические величины становятся элементом конституционного правосознания, демократической культуры общества и личности. Приобретая свое конституционное воплощение, соответствующие социальные ценности упорядочиваются, встраиваются в определенную систему многоуровневых связей, основанную на исторически сложившемся в конкретном социально-культурном контексте общественно-нормативном порядке, а закрепляемый на конституционном уровне правопорядок характеризует, в свою очередь, действительный масштаб социальных ценностей.

Конституционные ценности находятся, таким образом, в органической связи как с фактическими естественно развивающимися отношениями, включая традиционно сложившийся уклад жизни, актуальную общественную (конституционную) практику, так и с нормативной энергией собственно Конституции как Основного Закона государства и общества. В этом плане они выступают социально-правовым генератором этой энергии, обеспечивая перевод фактически (консенсуально) признаваемых обществом в качестве общезначимых и общепользных правил жизнедеятельности в нормативное содержание общеобязательных конституционных положений; тем самым получившие признание в качестве конституционных социальные ценности (возведенные на уровень норм Основного Закона) как бы упрочивают легитимность Конституции и одновременно, обретая формально-юридическую нормативность, обязывают всех субъектов права, включая не только граждан, но и политические партии, объединения и государство в целом, действовать в соответствии с требованиями Конституции. Одновременно с момента конституционной формализации определенной системы социально-правовых ценностей фактические конституцион-

ные отношения - в их ценностном восприятии - оказываются под воздействием юридической силы норм Основного Закона и уже не могут развиваться иначе как посредством коррелирующего взаимодействия с формально закрепленными правилами и нормами. Гармонизация же фактических (социокультурных) и формально-юридических ценностных начал в нормативном содержании положений действующей Конституции - пожалуй, одна из сложнейших задач Конституционного Суда РФ в рамках возложенных на него функций и полномочий.

Нормативные начала конституционных ценностей, обобщенно говоря, проистекают из их объективной социальной значимости для народа, волей которого они конституируются в качестве первичного и безусловного основания как для правовой системы государства в целом, так и для каждой ее юридической нормы, причем не в статике, а в процессе их включения в ткань социально-политической жизни посредством правоприменения. В свою очередь, социально-политическая значимость конституционных ценностей состоит в том, что выраженные в них социальные начала (цели, интересы, принципы и т.п.) обеспечивают оптимальное - соответствующее принятой обществом и государством конституционной модели - развитие на основе согласования интересов не только внутри государства, но и на международной арене.

Соответственно, конституционные ценности не могут рассматриваться как «навязанные извне» суверенному государству, предопределенные сугубо политико-идеологическими отношениями явления; как таковые, они характеризуют получающие конституционное опосредование фундаментальные интересы народа, сложившиеся в национальной среде и в ходе взаимодействия с внешней социально-культурной средой. В этом плане конституционные ценности в концентрированном виде характеризуют получивший нормативно-правовое выражение своего рода генетический (социально-культурный) код многонационального народа России. В конституционных ценностях, таким образом, нормативно-правовые и социально-культурные аспекты не противопоставляются, но синтезируются. Более того, конституционные

ценности всегда отражают (в большей или меньшей степени) некий сплав национальных и наднациональных (всеобщих) начал, причем универсальное проявляется здесь через его восприятие, признание, оформление на основе суверенной национальной воли.

Одновременно нельзя не учитывать, что конституционные ценности (как и смежные категории, включая принципы, аксиомы и презумпции) выступают не только, а во многих случаях не столько конституционно-правовыми категориями, но также категориями морали, нравственности, цивилизационных, общедемократических требований. Тем самым по своей внутренней природе они как раз и могут быть представлены как категориальная форма выражения, квинтэссенция духа Конституции, а их юридические характеристики определяются в этом плане тем, что это и доктринальные, и социокультурные, и нормативно определенные категории действующего конституционного права.

Что же касается конституционно-текстовой материализации конституционных ценностей, то здесь особое значение имеют Преамбула, а также главы 1 и 2 Конституции. Соответствующие структурные части Конституции - это своего рода нормативно-правовой генератор конституционного духа, с помощью которого становится возможным проникать в глубинное содержание всех других статей Конституции, обнаруживать их сакральные свойства³. Особый, мета-юридический характер соответствующих положений подчеркивается, в частности, и тем обстоятельством, что никакие другие положения Конституции не могут противоречить основам конституционного строя (ч. 2 ст. 16 Конституции), а положения главы 2, как и главы 1, не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием (ч. 1 ст. 135), и, стало быть, их изменение невозможно иначе, кроме как путем принятия новой Конституции. И это не случайно: законодателю подвластен текст, буква Конституции, но не ее Дух.

Но все это отнюдь не означает, что конституционные ценности и сама Конституция как своего рода юридическое зер-

³ См.: Бондарь Н.С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // Журнал российского права. 2013. № 11. - С. 5-17.

кало, призванное отражать социокультурный портрет общества и государства, пребывают в координатах некоего политико-идеологического монизма.

2. Возможен ли ценностно-правовой плюрализм Конституции?

Поскольку конституционные ценности обусловлены внутренней и внешней социальной средой, при их анализе следует учитывать, в том числе, складывающиеся закономерности развития современного конституционализма, которые влияют на становление (формирование) конституционных ценностей, их реализацию. Одной из таких фундаментальных закономерностей следует признать все более активную и глубокую *плюрализацию ценностно-социальных систем, утверждение принципов культурно-мировоззренческого, идеологического многообразия*. Это предполагает, в том числе, усиление взаимовлияния и взаимопроникновения различных ценностно-правовых подходов, что, однако, вовсе не сводится к автоматической трансляции представлений, касающихся тех или иных конституционных принципов, институтов из одной конституционно-правовой системы в другую.

Главный методологический вопрос, возникающий сегодня при анализе любой конституционной системы, - это культурно-исторический, национально-специфический аспект при оценке и применении универсальных юридических механизмов реализации общепризнанных конституционных ценностей, поскольку никакая рациональная правовая аргументация не может быть свободной от национальной культуры, нравственности.

В этих условиях объективно происходит, говоря словами российского философа права И.А. Ильина, утрата веры в спасительный методологический монизм и, напротив, возникает необходимость принципиального признания методологического плюрализма⁴, в том числе в связи с анализом и обоснованием

⁴ См.: *Ильин И.А.* Понятия права и силы (Опыт методологического анализа) // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. - М., 1994. - С. 9-10.

ванием проблем конституционной аксиологии. Предполагается, что различные концепции, подходы к праву в рамках плюралистической методологии восприятия конституционных ценностей приобретают значение действенных доктринальных средств в той мере, в какой они могут быть аутентично интегрированы в пространство конституционно-правового регулирования, что требует своего рода «коммуникативно-интегрированного» или - как особенно значимого для конституционного исследования правовых систем - конституционного правопонимания⁵. Это объективно предполагает признание и утверждение философско-мировоззренческого плюрализма: и как доктринального метода исследования, и как важнейшего (конституционно значимого) принципа нормативно-правовой системы организации и функционирования демократической государственности.

Конституция РФ также может быть охарактеризована с позиций философско-мировоззренческого плюрализма. Но это не свидетельствует ни о некоей мировоззренческой эклектике, в рамках которой естественно-правовой тип правопонимания конкурирует с позитивистским⁶, ни о примате одного типа правопонимания перед другим (на что намекают в своей статье профессора П.П. Баранов и А.И. Овчинников). Подобный подход имеет в своей основе противопоставление естественно-правовых и позитивистских начал, исключает возможность их сосуществования (при признании за ними самостоятельной и соотносимой юридической ценности) без ущерба для права как воплощения свободы, равенства и справедливости. Вместе с тем уже опыт античной философии показывает, что противоположные философские начала

⁵ В российской правовой науке эти подходы исследованы с разных позиций, например: *Крусс В.И.* Теория конституционного правопользования. - М.: Норма, 2007; *Поляков А.В.* Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. - СПб., 2004.

⁶ Такие оценки имеют место, когда, например, утверждается, что в России «конституционная концепция прав человека (и концепция должного закона) эклектически (выделено мной. - Н.Б.) соединяет непозитивистские представления о правовой свободе с позитивистскими представлениями о правах как законодательно санкционированных притязаниях» (*Четвернин В.А.* Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 4. - С. 32).

могут находиться или быть сведены к такому отношению, когда имеющееся между ними напряжение порождает возникновение нового желаемого качества и достижение положительного результата. С этой точки зрения внимательный и непредвзятый анализ Конституции РФ дает основания полагать, что она, различая в своем идейном базисе доктрины естественного права и позитивизма, не противопоставляет их, не приводит к состоянию антагонистического противоречия, а, напротив, стремится к выработке их синтетического, взаимосогласованного понимания в целях обоснованного толкования и эффективного правоприменения.

Восприятие Конституции под этим углом зрения позволяет сделать вывод о том, что Конституция, несомненно испытывая воздействие социальных противоречий современного общества, являясь их определенным отражением, вместе с тем служит инструментальной основой согласованного и сбалансированного выражения основополагающих ценностно-правовых установок; как таковая, она не может рассматриваться в аспекте наличия или отсутствия ценностного дисбаланса: в противном случае она утратила бы способность выполнять назначение нормативно-правовой основы разрешения конфликтов и противоречий в обществе и государстве на основе поиска баланса несовпадающих ценностей и интересов различных субъектов правовой жизни.

Конституционные ценности, при всей их плюралистичности, объективно системны, не могут противоречить - в их нормативно-правовой статике - друг другу. Так, реализуя идеи естественно-правового правопонимания, Конституция РФ провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2); они признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам международного права, они неотчуждаемы, принадлежат каждому от рождения (ст. 17). В то же время из самой Конституции РФ вытекает недопустимость противопоставления естественно-правовых начал позитивному законодательному регулированию прав и свобод человека и гражданина. Напротив, полномочие по государственно-правовой регламентации прав человека прямо закрепляется за феде-

ральным законодателем (п. «в» ст. 71), а в ст. 18 Конституции РФ говорится о том, что права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, т.е. содержащиеся в правах и свободах естественно-правовые начала должны объективироваться в позитивных (принимаемых государством) законах, получать реализацию в правоприменительной деятельности.

Тем самым естественно-правовое и позитивистское начала интегрируются в системе конституционных норм и институтов посредством идеи правового закона как воплощения требований верховенства права, с одной стороны, и правового государства, государства законности - с другой, что является решающей философско-мировоззренческой основой гармонизации индивидуального и коллективного, частного и публичного, личного и государственно-властного в общественно-правовой российской системе, во многом благодаря реализации конституционного правосудия.

Понимание диалектики естественно-правового и позитивистского начал в конституционном регулировании является основой для уяснения того, что одно лишь текстуальное акцентирование в Конституции тех или иных социальных ценностей не предрешает не только меньших по своей значимости ценностей, но и, тем более, отрицания иных социальных ценностей. Видеть в Конституции «либеральный проект», не согласующийся с основами национальной государственно-правовой культуры на том основании, что Конституция выдвигает на первое место человека и индивидуальные ценности (как это предлагается в статье, ставшей поводом для данных размышлений), значит не только предельно идеологизировать конституционный текст, ставя под сомнение всеобщность опосредованных им интересов, но и не замечать, в частности, что основы конституционного строя открываются положениями, раскрывающими публично-правовые ценности, характер российской государственности (ст. 1 Конституции).

Разумеется, на реализационном уровне могут возникать коллизии и конфликты конституционных ценностей, на что справедливо обращают внимание авторы статьи. Это,

однако, не является подтверждением наличия «ценностного дисбаланса» в самой Конституции, имея в виду, что преодоление соответствующей реализационной коллизии как раз обеспечивается через выявление адекватного конституционно-правовой системе содержательного, а также иерархического соотношения данных конституционных ценностей, когда каждая ценность оказывается сохранена. Если же исходить из наличия ценностного дисбаланса в Конституции, из примата одних ценностей в соотношении с другими, то следовало бы признать, что одни конституционные ценности (и соответствующие нормы, институты) могут получать реализацию в ущерб другим, блокировать действие других конституционных норм, институтов. Но это подрывает сами основы понимания Конституции как обладающего высшей юридической силой акта прямого действия.

Поэтому при решении вопроса о том, как должны преодолеваются ценностные коллизии, вряд ли можно вести речь о том, что определенные ценности (пусть даже «абсолютные») должны «заслонять собой остальные». Напротив, идея баланса конституционных ценностей относится к основным характеристикам современного конституционализма и конституционного правосудия. При этом во многом именно посредством конституционно-судебной аксиологии как механизма соотношения, взвешивания и согласования конституционных ценностей конституционализм приобретает системно-всеобъемлющий, корректирующий и право-восстановительный характер, становится возможным на его основе сформировать правопорядок, основополагающими принципами и высшими ценностями которого являлись бы конституционные ценностные ориентиры в их нормативно-правовом и реальном (конституционно-практическом) воплощении. Ярким примером является в этом плане последовательная защита Конституционным Судом РФ имманентно присущих Конституции России ценностей традиционной семьи, материнства, детства, т.е. таких ценностных детерминантов, следование которым имеет глубокие национальные, социокультурные основы и что - не секрет - не во всем совпадает с так называемыми западными стан-

дартами «равенства» однополых браков, сексуальной «свободы» и т.п.⁷.

Ключевая идея конституционно-судебной аксиологии, служащая одновременно и методологическим принципом ее реализации, состоит в том, что возникающие в ходе реализации конституционных ценностей коллизии не могут преодолеваются путем предоставления защиты одним правам в нарушение других, равноценных по своему конституционному значению⁸, и поскольку недопустимо противопоставление одних прав и законных интересов другим, должны использоваться нормативно-правовые механизмы, обеспечивающие их взаимосогласованную реализацию⁹. В этом плане представление о том, что Конституция утверждает примат интересов личности над интересами государства, вряд ли имеет под собой прочные основания. Конституционный Суд неоднократно указывал, что взаимоотношения личности и государства в разных сферах строятся на принципе баланса частных и публичных интересов (например, Постановления от 21 октября 2014 г. № 25-П, от 6 ноября 2014 г. № 27-П, от 17 февраля 2015 г. № 2-П, от 16 февраля 2015 г. №3-П, от 2 июня 2015 г. №12-П и др.).

⁷ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2014 г. № 1-П по делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 735; Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова // СЗ РФ. 2014. №40 (ч. 3). Ст. 5489; Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П по делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гушиной // СЗ РФ. 2015. № 26. Ст. 3944.

⁸ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 15-П по делу о проверке конституционности положений частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и пункта 3 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Дубкова // СЗ РФ. 2013. №27. Ст. 3647.

Философско-мировоззренческим плюрализмом, характерным для современного конституционализма, определяется достаточно высокий удельный вес политических начал в конституционном правосудии и конституционно-судебной аксиологии. Здесь важно то, что сама политика - неизбежная связь между конституционными ценностями и текстом Конституции, а в конечном счете между буквой и духом Конституции. И это не случайно, если иметь в виду, что, во-первых, конституционные ценности являются политико-правовыми ценностями; а во-вторых, высокий удельный вес политических начал характерен для механизмов реализации конституционных ценностей, их вторжения в ткань государственной, социально-культурной и других сфер жизни общества.

Поэтому существуют объективные предпосылки и условия, позволяющие говорить о *закономерных, глубинных началах тесных связей между конституционным правосудием и политикой*. Они определяются в своей основе как особенностями общественных отношений, составляющих сферу конституционного правосудия, так и природой органов конституционной юстиции. В этом плане - с известной долей осторожности - можно утверждать об *имманентно присущих конституционному правосудию политико-правовых характеристиках*¹⁰.

Реализуя возложенные на него полномочия, Конституционный Суд РФ а) дает государственно-правовую оценку и обеспечивает юридическое закрепление происходящих политических изменений, имеющих по своей сути конституционно-правовое значение; б) обеспечивает баланс коллизионных ценностей и политических интересов; в) определяет конституционные основания и пределы усмотрения законодателя при принятии тех или иных решений, совершенствовании законодательства на основе актов Конституционного Суда РФ; г) оказывает непосредственное влияние на проводимую государством политику в различных областях, формирование и реализацию конституционной политики государст-

¹⁰ См.: Бондарь Н.С. Конституционное правосудие и политика: попытка конституционного анализа без политизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92). - С. 1-20.

ва, поскольку это касается защиты конституционных ценностей, принципов, норм Конституции в соответствии с высшими, в том числе политическими, интересами общества и государства, человека и гражданина.

Вместе с тем политические начала конституционного правосудия не следует отождествлять с его «политизацией»: в основе соотношения конституционного правосудия и политики должны лежать *не подчинение конституционного правосудия политике и политизация конституционно-правовой сферы, а конституционализация политики*, в том числе с помощью конституционного правосудия, ее подчинение Конституции. Конституционный Суд решает исключительно вопросы права и для утверждения права. Принимаемое Судом решение должно основываться исключительно на требованиях Конституции РФ, юридической (а не абстрактно-социальной) справедливости и конституционной (но не политической) целесообразности. Если же политические интересы соответствуют требованиям Конституции, вытекают из ее принципов и ценностных начал, Конституционный Суд РФ посредством своих решений объективно становится как бы проводником этого «политического», а фактически - конституционно-правового вектора развития.

3. «Ползучая» конституционная реформа или судебно-интерпретационное развитие, преобразование Конституции?

С рассматриваемой проблемой конституционных ценностей напрямую связан, как справедливо считают авторы, и вопрос о современной конституционно-правовой политике. Он (данный вопрос) актуализирован в статье предельно остро: *нуждается ли Россия в «конституционной реформе», а фактически - в разработке и принятии новой Конституции? Не наблюдается ли у нас, как, вероятно, считают авторы соответствующей статьи, некая «ползучая» конституционная реформа? И далеко не последний вопрос: какова в связи с этим роль Конституционного Суда РФ?*

При ответе на поставленные вопросы важно учитывать,

что, пожалуй, квинтэссенцией ценностных подходов к анализу национальной конституционно-правовой системы могут служить слова Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина: «Конституция - самое большое достижение всего постсоветского развития, основа стабильности и динамизма России»¹¹. Аксиологическое восприятие Конституции предполагает преодоление догматического, формально-юридического подхода к данному документу; необходимо понимание Конституции, в том числе, как саморазвивающейся динамической системы, не сводимой к формально-текстовым проявлениям, но обладающей внутренним содержательно-ценностным, институциональным потенциалом для ее адаптации к изменяющимся социально-историческим условиям.

При всем многообразии мнений на предмет внесения большего или меньшего количества изменений в текст Конституции РФ (вплоть до принятия нового Основного Закона) такие подходы, как правило, объединяет одно: отрицание или, в лучшем случае, молчаливое игнорирование возможности влияния Конституционного Суда на Конституцию, на ее модернизационное развитие. Между тем возможность такого влияния - одна из фундаментальных особенностей кельзеновской (континентальной) модели конституционного правосудия, что способно существенным образом оказывать воздействие на развитие, преобразовательные процессы всей конституционной системы соответствующих стран, включая Россию.

Реализованная в России модель сильной конституционной юстиции является залогом активного влияния Конституционного Суда РФ не только на систему действующего законодательства (имея в виду нормоконтрольные полномочия по обеспечению соответствия нормативных правовых актов Конституции), но и на саму Конституцию, на развитие всей системы российского конституционализма.

Уже поэтому модернизация Конституции не может сводиться только к внесению в нее текстовых изменений¹².

¹¹ См.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. - М.: Норма, 2008. - С. 30.

¹² Подробнее см.: Бондарь Н.С. Социоисторический динамизм Конституции - без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2 (38). - С. 22-34.

Когда речь идет о модернизации Конституции, то предполагается ее постепенное преобразование под влиянием «требований современности», общественного развития. Фактическая конституция как выражение соотношения социальных сил с точки зрения реальных (а не формально-юридических) характеристик власти, собственности, свободы в обществе подвержена изменениям даже при неизменном тексте юридической конституции. Конституционный Суд же при разрешении дел о конституционности закона или при толковании Конституции (официальном либо казуальном) выявляет такие изменения (далеко не всегда лежащие на поверхности социально-политической действительности) и фиксирует преобразованную реальными процессами общественного развития социально-политическую обязательность, своего рода социальную (фактическую) нормативность, влияющую, в свою очередь, на формирование правовой нормативности, которая естественным образом влияет на содержание (толкование) соответствующих положений Конституции.

Тенденция к перераспределению основных функций конституционного правосудия - от чисто охранительной деятельности к активному использованию преобразовательного потенциала конституционно-судебной деятельности - является своего рода рефлекторной реакцией конституционного правосудия на сложные процессы, на динамизм современной эпохи. Не случайно преобразующая роль конституционного правосудия получает все более широкое, в том числе международное, признание. Это и понятно: «Конституция, - указывается в Генеральном докладе XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3-6 июня 2008 г.), - без органа конституционного контроля, обладающего полномочиями констатировать противоречие обычных правовых актов конституции, есть *lex imperfecta*. Конституция становится *lex perfecta* только тогда, когда конституционный суд может признавать обычные законы противоречащими конституции... Через конституционный контроль конституция, как правовой акт, превращается в «живое» право»¹³. Добавим -

¹³ См.: Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3-6 июня 2008 г.) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. - Ереван, 2008. Вып. 2-3. - С. 110-111.

только через конституционный контроль конституционализм превращается в «живой» конституционализм.

Конституционно-судебный нормоконтроль является в этом плане одной из форм государственно-властного (конституционного) воздействия на те находящиеся в сфере конституционного воздействия общественные отношения, которые прямо соотносятся с наиболее важными вопросами организации социально-политической, экономической, социально-культурной, духовно-нравственной жизни общества. В связи с этим в рамках осуществляемой им деятельности для Конституционного Суда РФ становятся доступными сакральные, метаюридические пласты духа Конституции, содержащие высокий уровень концентрации политических, нравственно-этических, социокультурных истоков динамизма Основного Закона, что достигается в силу особой юридической природы органа конституционно-судебного нормоконтроля и его решений.

Речь идет о том, что, во-первых, будучи, безусловно, органом судебной власти, в то же время природа его деятельности не исчерпывается правоприменением; в своих итогово-правовых характеристиках все более сближается с нормативно-установительной юридической практикой, с правотворчеством. Во-вторых, специфика «квазиправотворческой», динамически-интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ такова, что его решения, обладая нормативно-доктринальной природой, имеют предметом своего влияния и одновременно формой политико-правового бытия прежде всего нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня - общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных явлений и т.п.

Особая преобразующая функция Конституционного Суда, его возможности, связанные с активным погружением в реальное ценностное содержание конституционно-правовых норм и институтов, определяют также характерным для природы конституционного правосудия сочетанием государственно-властных и научно-доктринальных начал. Конституционное правосудие не только не находится в отры-

ве или, тем более, противопоставлении научной юриспруденции, а, напротив, есть все основания утверждать, что Конституционный Суд может рассматриваться как весьма специфическая (опять же, организованная на государственно-властных началах) научно-исследовательская лаборатория, тесно сотрудничающая с научным сообществом через доктринальные идеи по актуальным проблемам современной конституционной юриспруденции. Достаточно отметить, что абсолютное большинство судей действующего состава Конституционного Суда (более 2/3) имеют докторскую степень по юридическим наукам. Характеристики, сопоставимые с научно-исследовательской организацией, присущи и аппарату Конституционного Суда, в особенности его профильным (отраслевым) подразделениям.

Конституционное правосудие находится в прямой и обратной связи с конституционной юриспруденцией. Так, юридическая наука, включая науку конституционного права, как и государственно-правовая практика, являются питательной средой для Конституционного Суда, а осуществление конституционного правосудия как деятельности, содержащей высокий удельный вес доктринальных начал, невозможно без активного использования достижений конституционно-правовой мысли. Одновременно Конституционный Суд - не только потребитель, но и генератор научных идей, он самым непосредственным образом участвует в их формировании, выступает действенным фактором развития российской конституционно-правовой науки, а практика конституционного правосудия представляет собой онтологический компонент конституционной юриспруденции. Поэтому вряд ли есть основания заниматься «перетягиванием каната», выясняя вопрос о том, чье влияние на развитие конституционализма и конституционных ценностей важнее - Конституционного Суда или конституционной науки: они работают в одной упряжке.

На основе реализации правоприменительных и нормообразующих, государственно-властных и теоретико-доктринальных начал в деятельности Конституционного Суда обеспечиваются приращение и актуализация ценностно-нормативного содержания отправных для правовой системы величин, обеспечивается развитие сакрального духа Конституции,

который не подвластен законодателю, воплощается прежде всего в конституционных ценностях, принципах, основах, и, как результат, происходит преобразование всей системы национального конституционализма.

Что же касается условий (предпосылок) социоисторической модернизации Конституции с помощью средств конституционного нормоконтроля, то в обобщенном плане это предполагает: а) учет органом конституционного правосудия социокультурных факторов национального развития; б) историческое толкование конституционных норм, учет конкретно-исторических условий современного развития национальной государственности; в) систематическое толкование, основанное на восприятии Конституции как единого, целостного документа, не имеющего пробельности и внутренней противоречивости; г) учет как универсальных ценностей современного конституционализма, так и всей системы общепризнанных принципов и норм международного права, что напрямую вытекает из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ; д) телеологическое толкование, анализ целей, на достижение которых были сориентированы Конституция и отдельные ее положения отцами-создателями этого акта.

Таким образом, посредством конституционного правосудия сам по себе российский конституционализм и его центральный нормативно-правовой элемент в виде Конституции актуализируются с учетом изменяющихся конкретно-исторических условий своего развития, благодаря чему сущее (система реальных отношений) и должное (юридическая конституция) сближаются, превращаясь в «живой» конституционализм. На этой основе становится возможным формирование нового, во многом уникального политико-правового явления конституционной государственности - судебного конституционализма¹⁴. Исходные начала концепции судебного конституционализма проистекают из сущностных характеристик Конституции, с одной стороны, и конституционного назначения судебной власти (в особенности конституционного правосудия) - с другой.

¹⁴ См.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. - М.: Норма, 2015.

Что же касается роли собственно конституционного правосудия в социоисторическом развитии Конституции и формировании «живого» конституционализма, то в данном случае одинаково важно учитывать по крайней мере несколько моментов.

Во-первых, решения Конституционного Суда, обладая специфической природой (особые виды судебных актов нормоустановительного характера), являются нормативной правовой основой формирования судебного конституционализма и соответственно всей системы российского конституционализма в целом. В этом проявляются их природа и назначение как нормативно-правового компонента «живого» (судебного) конституционализма.

Во-вторых, конституционное правосудие и его решения - один из важных источников развития современной конституционной доктрины модернизации российской государственности (доктринальный компонент «живого» конституционализма), что вытекает из нормативно-доктринальных характеристик решений Конституционного Суда).

В-третьих, Конституционный Суд РФ - своего рода генератор конституционного мировоззрения, активный участник формирования новой конституционной культуры и в конечном счете конституционной идеологии современного российского общества и государства, что чрезвычайно важно, в том числе, в связи с настоятельными предложениями пересмотреть текст ст. 13 Конституции РФ¹⁵ (идеологический компонент «живого» конституционализма).

В-четвертых, «живой» конституционализм есть материализация конституционно-судебной практики, реального воплощения в жизнь требований верховенства Конституции, ее прямого действия, материализация конституционных ценностей в обществе и государстве (материальный компонент «живого» конституционализма).

Тем самым охрана Конституции, ее стабильность поддерживаются в органическом сочетании с динамизмом кон-

¹⁵ См., например: Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России - одно и то же // Судья. 2013. № 12. С. 30-32; Из Конституции могут убрать статью 13 о запрете государственной идеологии. URL:slon.ru/fast/russia.

ституционной системы, что является подтверждением активной социокультурной роли конституционного правосудия как генератора «живого» (судебного) конституционализма.

В этом плане практика конституционного правосудия объективирует и формально-юридическую природу, и социальную сущность Конституции как правового акта высшей юридической силы и прямого действия, выступающего порождением, отражением и универсальным средством разрешения социальных противоречий. На этой основе как раз и становится возможным рассматривать Конституционный Суд в качестве важного инструмента социоисторического развития Конституции, института формирования в России «живого» конституционализма. С этих позиций «живой» (судебный) конституционализм может быть представлен как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного судебно-правового гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства их политико-идеологических и формально-юридических начал, социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России как демократического правового государства.

К. Арановский

Судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации

С. Князев

Судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Основания международных стандартов в сопряжении с конституционными основами российского уголовного судопроизводства

Уголовное судопроизводство в России, его устройство, процессуальные формы и правила оставались внутригосударственным, по сути, делом, пока ситуацию решительно не поменяло принятие Конституции Российской Федерации 1993 года, которая исходит из признания российского народа частью мирового сообщества (преамбула), включает в национальную правовую систему общепризнанные принципы (нормы) международного права, международные договоры России (статья 15, часть 4). Это обязывает, кроме прочего, национальную уголовную юстицию следовать международным, прежде всего европейским, стандартам правосудия.

Между тем, в их состав включают иногда как договорно-конвенционные установления в буквальном их изложении, так и те правоположения, которые получены в истолковании, особенно в судебном¹. Вероятный спор о том, соединять ли договор и продукты его правотворческой интерпретации в общее понятие международного стандарта, можно оставить до другого случая, чтобы теперь остановиться на не вполне очевидном участке вопроса, где, с одной стороны, стандарты-интерпретации понимают довольно широко и готовы признавать с опережением, распознавая их в более или менее влиятельных течениях, намеченных судебной практикой. С другой стороны, признание стандартов все-таки ограничено теми случаями, когда истолкование договоров обеспечено признанием среди участников международного общения, их общим согласием, которое и дает правовой норме обязательную силу, как это принято было считать до недавних пор в международном праве, особенно в праве договоров, кодифицированном Венской конвенцией 23 мая 1969 года.

Применительно к правовым стандартам, в частности европейским, в отношении этой Конвенции полезно учесть, что применяется она, прежде всего, к международным договорам, включая многосторонние конвенции, которые в письменной форме совершают между собой государства. Этим ограничением, однако, она не умаляет силы соглашений (консенсусов и правил), оформленных иначе, включая те, в установлении которых участвуют иные, помимо государств, субъекты (п.п. «а», «с» статьи 3 и статья 4 Венской конвенции). Это позволяет, пока нет прямых возражений, предполагать или настаивать на том, что не только государства, но и наднациональные образования, их органы влиятельно участвуют в достижении консенсуса и установлении правил и стандартов, в том числе за пределами международных договоров (конвенций), рядом с их положениями, а впрочем и в их пределах, благо что Венская конвенция (в силу статьи 5) относится и к учредительным актам международных организаций. Среди таких органов заметны не только те, что обес-

¹ См., напр.: Тимофеев М.Т. Европейский суд по правам человека и непрекращающаяся борьба с Левиафаном // Международное правосудие. 2012. № 1. - С. 4-5.

печивают согласование интересов и решений участников договора в русле международной политики, но и юрисдикционные (судебные) институты. Деятельность Европейского суда по правам человека больше всего дает поводов думать, что участие международных судов в установлении обязывающих правовых стандартов первостепенно.

Общим условием установления или изменения договорных положений международного права Венская конвенция (статьи 11, 15, 39, 40) определяет согласие всех участников договора с учетом их права на оговорку (Раздел 2 Части II). Но ясно и то, что договоры прирастают содержанием по итогам их интерпретации, исходя, в том числе, из контекста, в который поставлены условия (термины) договора как при его заключении, так и впоследствии. Контекст же, согласно статье 31 Венской конвенции, охватывает и соглашения между участниками в связи с заключением договора (состоявшиеся в прошлом консенсусы – п. «а» части 2), и любой документ, принятый ими как относящийся к договору (п. «b» части 2), не исключая протоколов, обмена заявлениями и проч. Кроме изначального, согласованного в документах контекста, эта статья позволяет добавить к первичному содержанию договора дополнительные смыслы в последующем его толковании или применении при согласии на то участников (п. «а» части 3), а также в практике его применения, из которой, опять же, должно следовать их соглашение относительно его толкования (п. «b» части 3). Венская конвенция (статья 38) поощряет, кроме того, перемещение договорного права в обычные нормы (обычаи), чтобы оно там укоренялось и государства могли бы сообща их признавать, следовать им и обязывать ими себя, хотя бы и без формального участия в договоре.

В общем, международные стандарты в любом случае нельзя свести лишь к тому, что прямо и буквально условлено в договоре при его заключении. Тем не менее, пока над государствами нет наднациональной правотворческой власти, согласие (соглашение, консенсус) участников, в чем бы оно ни состоялось, образует необходимое условие всего обязательного, включая международный стандарт, если видеть в нем именно обязывающее установление, а не просто широкую тенденцию и твердую решимость, убежденное настрое-

ние и верное политическое течение или ориентир с благими целями. Это условие относится и к правообразующим последствиям поведения государств в пространстве договора, и к правосудной деятельности учрежденных им юрисдикций, таких как ЕСПЧ.

Его правотворящие интерпретации связывают ближайшим образом сам этот Суд, поскольку ему, чтобы оставаться верным праву и справедливости, нужно в одинаковых судебных случаях вести себя одинаково и предсказуемо, не отступая от прежде занятых позиций без достаточных на то правовых и фактических оснований. Его интерпретационные позиции, далее, связывают и участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод, во всяком случае тем, что участие в ней обязывает уважать и держать во внимании сказанное Судом при ее истолковании. Это кажется ясным, несмотря даже на то, что вступление в силу Протокола № 11 от 11 мая 1994 г. «О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией» поменяло в Конвенции часть первую статьи 46 и вывело из нее положение, которое позволяло связать государства признанием обязательной юрисдикции Суда по толкованию Конвенции *ipso facto* (как само собой разумеется, в силу факта) даже безотносительно к своему делу, то есть общим образом. Теперь и впредь эта статья обязывает Стороны просто исполнять постановления Суда и лишь по делам, где они участвуют, поручая Комитету министров надзирать за их исполнением.

Впрочем, статья 32 Конвенции удержала за Судом «вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней», с тем, однако, что они относятся к случаям, предусмотренным статьями 33, 34, 46 и 47. А это, прежде всего, случаи рассмотрения дел – межгосударственных, где одно государство спорит с другим, предполагая с его стороны нарушение Конвенции, а также дела по индивидуальным жалобам, где лицо или организация выступает против государства-участника, полагая себя жертвой нарушения своих конвенционных прав. В тех и других делах государство, конечно, должно исполнить постановление Суда, то есть формально признать квалификацию случая и уплатить жертве назначенную компенсацию, а также исправить установленное

Судом нарушение, если это еще возможно, например, пересмотреть дело жертвы в национальном суде.

Суждения, однако, которые при этом сделает Суд по праву толкования, дают обоснования решению, но еще не предрешают установление стандартов – положений, которые сами по себе были бы равносильны правилам Конвенции и для всех обязательны лишь потому, что Суд их произнес, объясняя то, что он решил по делу. Иначе говоря, в таком значении право судебного толкования Конвенции представляет собою, прежде всего, средство отправления международного правосудия по отдельным делам, а не способ принятия общих правотворческих решений.

Право толкования остается за Судом и на те случаи, когда он, согласно статье 47 Конвенции, выносит консультативные заключения по просьбе Комитета министров. Но и в такого рода актах часть вторая названной статьи ограничивает создание правовых стандартов, ибо не велит задевать в консультативных заключениях содержание, объем конвенционных свобод и прочие вопросы, которые Суд мог бы рассматривать по делам. Это не позволяет ЕСПЧ отвлеченно устанавливать стандарты права попутно с консультацией.

И все же суждения, которыми Суд интерпретирует Конвенцию, могут стать правовым стандартом, тем более что само право международных договоров позволяет обратиться их из аргументов по делу в правовоположения, общеобязательные наряду с конвенционными установлениями и едва ли не вровень с тем, как они буквально изложены. Условие тому – их признание, когда с ними согласятся государства-участники – явно ли, в деятельной к ним лояльности, или по умолчанию, принимая их за должное, как то, что не вызывает возражений и само собой разумеется².

² Признавая роль международных судов в создании интерпретационных правовых стандартов, без которых уже невозможна трансформация национальных правовых систем, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что ЕСПЧ не может быть безразличным к сложившимся способам решения правовых проблем в различных юрисдикциях Совета Европы, отрицать культурное, религиозное и прочее своеобразие конкретных обществ и отказывать государствам в «свободе усмотрения» (*margin of appreciation*) в их законодательных и, тем более, конституционно-правовых решениях. См. об этом, в частности: *Старженецкий В.В.* Международные суды и трансформация национальных правовых систем // *Международное правосудие.* 2013. № 3. - С. 64-77.

Конечно, стандарты-интерпретации выражены яснее и больше всего известны в том, как их излагает сам ЕСПЧ, отмечая серию своих суждений как «прецедентную практику», которой он непрерывно следует. Этим Суд и дает знать, в чем состоит «стандартно-правовое». Заодно он позволяет отличить стандарт от всего, что он скажет «попутно», подобно английскому *obiter dictum*, как и от нестандартных частных, еще не готовых стать правилом либо совсем к этому не предназначенных и взятых намеренно в исключение³. В общем, не всякое судебное слово изрекает общую истину и не каждому из них быть правом, отлитым в обязывающий стандарт или хотя бы в стандарт «убеждающей силы» (*of persuasive authority*), как о том говорят в английской классификации прецедентов.

Было бы странно думать, что человечество, которое вязнет, кажется, в очевидных и насущных вопросах жизни и смерти, войны и мира, справедливости и неправды, вдруг стало бы безошибочным и до последней сути пронизательным именно в судебных рассуждениях. Истина не закрыта, но достается людям, не исключая судей, лишь порциями и всегда с примесью заблуждения, часто значительной. Это знают и в религиозном самочувствии, где «вся правда у Бога», и в научном «дискурсе», где истину ищут с той верой, что нет конца ни исканиям, ни ей самой, и никому она не откроется в безграничной своей полноте до скончания времен. Иначе думают разве что в абстрактно-академической поэзии уголовного процесса, где еще теплится идеал всесторонней абсолютной истины. Иные из видных деятелей уголовного следствия тоже иногда эту истину обещают в полноте и объективности, но чтобы исполнить обещанное, требуют больше власти со свободой стороны обвинения от неудобных правил и сроков, чтобы те не мешали торжествовать абсолютной истине, ради которой им, видимо, не жаль ни конституционных свобод, ни закона.

³ Так, Большая палата ЕСПЧ не общим стандартом, а только Латвии позволила удерживать ограничение избирательного права для лиц с коммунистическим прошлым в награду за принятые меры по искоренению социализма, а также из доверия к демократическим ее институтам. См.: Постановление от 16 марта 2006 г. по делу Т. Жданок (*Zdanoka*) против Латвии (жалоба № 58278/00).

Если же не впадать в такие крайности, то в спокойном рассуждении вряд ли можно требовать оправдания истиной в каждом судебном решении и считать его обязательным непременно за то, что оно сияет безошибочной правотой. Если сила судебного постановления именно в ней, то всякий судебный акт, который не всех убеждает истиной, полагалось бы оставлять без последствий⁴. И тогда немногим судебным постановлениям досталось бы признание, поскольку едва ли не в большинстве дел хотя бы одна сторона, а то и обе, и не только они видят ошибку в судебных оценках и соображениях. Нельзя надеяться, что сторона, «теряя дело», свободно примет правоту, с которой ловко обосновали против нее решение. И поэтому нельзя всякий раз вменять ей в обязанность согласие с каждым словом суда. Это объективно ограничивает возможность установления общеобязательных международных судебных стандартов, если их условием остается согласие государств-участников.

Хорошо, когда судебные постановления звучат внушительно и веско, особенно в дружной серии актов, создающих долгую практику, и сражают сильными доводами всевозможные возражения. Но в последнем счете не это делает их обязательными в постановляющей части. Необходимое и достаточное тому условие позволяет обойтись лишь тем, что стороны и посторонние просто признают сам суд и закон, вовлекаются в судебный обряд и обрекают себя предстоящему решению, будут ли они с ним согласны и насколько⁵.

⁴ В самом деле можно сколько угодно рассуждать о качестве (высоком или низком) судебных решений, их юридических (идеальных или фактических) свойствах и т.п. (см., напр.: *Петров А.А.* Правовое качество решений Конституционного Суда Российской Федерации: постановка вопроса и некоторые практические проблемы // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. №2. - С. 97.) . Но вряд ли это должно приниматься во внимание при исполнении состоявшихся судебных актов.

⁵ В основе своей это иррациональное и «благоприобретенное», по выражению Ф. Хайека, правило, на котором изначально покоится общественное существование. Лояльность суду до сих пор не слишком крепко привязана к поздним идеалам истины. Первую и главную силу дает ей социальный рефлекс, а не умные соображения и даже не обещанные выгоды, не всегда очевидные, кстати. В безотчетных (и оттого самых стойких) социальных влечениях (отвращениях) рассудок участвует больше по видимости, обычно постфактум, чтобы с опозданием оправдать и объяснить, скорее удобно, чем верно, для каких полезных целей нужно участвовать, например, в правосудии и подчиняться суду. Между прочим, при нужном настроении, которое пересилит рефлекторную покорность законо-социальным

Впрочем, лояльное исполнение государством отдельных судебных решений и даже целая их серия – еще не окончательная точка в образовании обязательного стандарта, по силе сопоставимого с буквой договора. Стандарт не установится ввиду отсутствия соглашения сторон, пока все они не войдут в консенсус, определенно в нем участвуя, хотя бы по умолчанию. И, конечно, ни стандарт, ни европейский консенсус в его основании не состоятся, пока хотя бы одна сторона Конвенции прямо этому возражает, тем более когда с ним не согласны несколько участников, пусть бы они и остались в безнадежном меньшинстве. Так, убежденному мнению ЕСПЧ возражает, например, Соединенное Королевство, полагая, что Конвенция не обязывает его признавать право голоса на выборах за заключенными. В результате Великобритания до настоящего времени не вошла в общее согласие, опровергая консенсус в этой части и отнимая у конвенционного стандарта его необходимое основание. Это не позволяет ему состояться в значении обязательного для всех толкования Конвенции, даже если бы все остальные участники открыто и сообща поддержали мнение Суда.

Меньшинство наравне со всеми связано, разумеется, нерушимостью судебного акта – *res judicata* – и должно

установлениям, человек непринужденно подчинит ему свой ум, сообразит и найдет вдоволь способов рассудительно объяснить, почему судебный акт нельзя признать или исполнить в одном случае или в другом. Если и давать рациональные основания правосудию, то искать их вернее не в умных соображениях с намерениями устроить общую и личную пользу и даже не в априорном «моральном законе в сердце человека», что, заметим, уже не так рационально, а в объективных линиях общественной эволюции. В ней себя изжили или отошли на обочину жизни те группы человечества, где естественные наклонности слишком грубы и прямолинейны или же до того раскованы вольной душевностью и высокой духовностью, что им не улеchia в границы ритуалов и запретов и не уняться в почтении к институтам, с которыми человек держался бы в этих границах. Не умея жить в законе, по договору и суду, люди обрекают себя на неустройство, где им не удержаться от общего упадка, взаимного истребления и не устоять в соперничестве, даже если бы на них сошла ясная истина вместе с прочими дарами разума.

Но в оставшихся и, тем более, в благополучных своих отрядах социальный человек расположен и, главное, способен мириться, в частности, даже с тем судебным решением, от которого он теряет в имуществе, в свободе и во власти. Он тем вернее смирится, чем вернее суд от решения к решению следует себе и держится обряда, никому не подыгрывая, не отвлекаясь от права ради благоусмотрения и не «взвешивая» интересы в умозрительных балансах, составленных по случаю, по вкусу и по предвзятому настроению сообразно политической погоде и выгоде.

исполнять решённое по суду просто потому, что акт состоялся по праву, в частности Конвенции, которое и делает решение обязательным в постановляющей части. Но это не значит, что меньшинство откажется от своего понимания и вопреки убеждениям согласится со всем, что суд объявит правом по авторитетному своему разумению. В самом Страсбургском Суде вряд ли считают неопровержимо-безгрешным каждое слово, записанное от его имени. Это не только вредило бы его статусу, уличая в беспочвенных амбициях, но и рушило бы его практику, ибо ей нельзя себя консервировать во всех неловкостях, второстепенных и попутных версиях и в побочных отклонениях, которые позволяют себе, так или иначе, даже самые «умные» суды то ли в риторике изложения, то ли в отдельных упущениях. Нестандартные частности и отклонения остаются безвредными, лишь если суд в них не упорствует, не считает их неприкосновенными и не наполняет ими практику, чтобы она обратилась в малоподвижное нагромождение избыточной и рассогласованной письменности и через время стала бы общей обузой.

Кроме того, безгрешность судебного мнения плохо сходится с правом и практикой особых мнений, обсуждений и голосований, где решение определяет условное и непостоянное большинство, оставляя судей меньшинства в их убежденной правоте, нередко при серьезных на то основаниях и при хорошей поддержке за пределами суда. Есть, наконец, и пересмотр судебных решений, который, с одной стороны, имеет своим основанием именно то, что и в суде бывают ошибки. Они не исключены в любом суде до последней высшей инстанции, причем не только в оценке фактов, но и в понимании, истолковании права. С другой стороны, каждое решение можно, наверное, сделать иначе и вернее, чем оно состоялось, перетолковать любую интерпретацию. И если бы всё в судебном акте определяла истинная правота, то ни один из них нельзя было бы сделать окончательным и каждый был бы открыт для исследования, улучшения и пересмотра. Дело, однако, завершится решением, даже когда не все в нем ясно и безупречно. Хватит и того, чтобы стороны и сам суд завершили процессуальную деятельность, в том числе когда просто исчерпаны процессуальные средства, пройде-

ны сценарии, стадии или истощились мотивы участников судебного состязания. Финал по делу гарантирует не заветное слово истины, а исполнение процедуры с итоговым решением. Правильно разыгранный обряд делает постановление правильным постольку, поскольку его правота заранее установлена даже для тех, кто не согласится со словом суда, сказанным в его обоснование.

Все это, вместе взятое, нужно учесть потому, что за пределами постановляющей, бесспорной и обязательной для сторон части решения самые высокие международные правосудные инстанции, пока за ними нет права на непогрешимое слово истины или правотворческой власти, не имеют верных оснований создавать в интерпретациях обязательные для всех стандарты. Их вклад в создание таких стандартов часто бывает решающим, но пока участники договоров-конвенций не сойдутся в согласии с тем, что соответствующие интерпретации и вправду имеют обязывающий характер, судебного влияния не хватит, чтобы в истолковании международного договора каждый раз непременно складывался директивный стандарт.

В утверждении и обосновании стандартов уголовного правосудия первенство остается за концептуальными положениями статьи 10 Всеобщей декларации прав человека, статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в силу которых каждый человек по предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на основе полного равенства получить справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным по закону. И в том, как они записаны, и в их интерпретации, особенно в решениях Комитета по правам человека и Европейского суда по правам человека, эти правовоположения задают общие параметры уголовного судопроизводства в демократическом правовом государстве, а стало быть, обязывают Российскую Федерацию принимать все нужные меры к тому, чтобы их усвоила национальная судебная практика.

Важно, однако, учесть, что международные обязательства в области уголовного процесса, как и все прочие, не

отменяют на российской территории верховенства, высшей юридической силы, прямого действия и непосредственного применения Конституции Российской Федерации (статья 4, часть 2; статья 15, часть 1). Не случайно в Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что конституционный суверенитет, верховенство Конституции, её высшая юридическая сила исключают имплементацию в правовую систему России те положения международных договоров, которые ограничивают права и свободы человека и гражданина и противоречат основам конституционного строя (статья 4, части 1 и 2; статья 15, часть 1; статья 79 Конституции Российской Федерации).

Нелишне учесть и то, что Россия вступила в Европейскую конвенцию и состоит в ней как государство, заново учрежденное в основах суверенной правосубъектности именно Конституцией 1993 года. В этом смысле Россия обязана Конституции и своей международной договороспособностью, а стало быть, и участием в Европейской конвенции, в которую она вошла пять лет спустя. Само по себе это не настолько много бы значило, если бы не та особенность, что конституционные права и свободы в их положительном содержании и с попутными ограничениями изложены российской Конституцией во второй главе, изменить которую по существующим правилам позволительно лишь с полным пересмотром всей Конституции, начиная с основ конституционного строя. К интерпретации Европейской конвенции и прежде всего образованию стандартов это относится потому, что именно в таком контексте появились поводы обсуждать, могут ли стандарты обязать и насколько они обязывают Россию к пересмотру своей Конституции. К этому примыкает еще более важный вопрос – должна ли и может ли она себе позволить такой риск.

Нужно заметить, что никто из лиц и органов (Федеральное Собрание, Президент, министерство иностранных дел и представители России на переговорах), принимавших решения и выполнявших процедуры вступления Российской Федерации в Конвенцию, не имел конституционно-учредительных полномочий. Никто из них не мог поэтому согласовать такие условия участия в международном договоре, кото-

рые обязывали бы Россию пересмотреть свою Конституцию, то есть прекратить ее действие и заново принять о себе самой учредительное решение, способное совсем изменить конституционную, политическую судьбу своей государственности. Если бы кто-то из них предрешал для России такие обязывающие последствия, это означало бы попытку, похожую на конституционный или государственный переворот, а для Конвенции – основание ее недействительности в смысле российского в ней участия. При тех обстоятельствах, однако, в каких Россия вошла в Конвенцию, такую версию нужно полностью исключить, даже если российских участников ее подписания и ратификации окутает мрачными подозрениями. Это значит, что Российская Федерация не давала согласия на участие в Конвенции с тем, чтобы этот международный договор обязал ее впоследствии отказаться от существующей конституционной государственности и учредить что-то иное вместо нее.

В общем, правовые позиции, как их излагает Европейский суд в истолковании Конвенции о защите прав человека и основных свобод не могут отнять у конституционных норм преимущества. Даже получая силу стандарта, эти позиции во всяком случае подлежат реализации в России с тем условием, что в национальной правовой системе верховенство и обусловленные им преимущества остаются за Конституцией Российской Федерацией. В остальном же, поскольку это верховенство не поставлено под сомнение, Россия связана состоявшимися конвенционными, вообще договорными стандартами, в том числе судебного происхождения, а кроме того, обязана уважать и те позиции, в которых международное юрисдикционное учреждение даст истолкование договорным обязательствам. Долг уважения, может быть и не делает их заведомо обязательными, но и не позволяет оставить их без внимания и без последствий.

Следуя международным стандартам уголовного судопроизводства, причастные этому органы и должностные лица обязаны, вместе с тем, исполнять установления Конституции Российской Федерации, что делает необходимым бесконфликтное согласование конституционных и международных начал уголовного правосудия с тем, чтобы в борьбе с пре-

ступностью правам и свободам человека досталась полноценная защита. Такое согласование не сопряжено с серьезными затруднениями, так как и конституционные нормы, и положения международно-правовых актов основаны, по существу, на одних и тех же базовых принципах, без которых уже нельзя представить цивилизованную борьбу с преступностью и уголовное судопроизводство.

Если обратиться к Международному пакту о гражданских и политических правах и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, то несложно обнаружить, что между содержанием их положений и установлениями российской Конституции нет расхождений в подходах к обеспечению соблюдения и защиты прав и свобод индивидов и их объединений, в том числе в уголовно-процессуальных отношениях. Чтобы развеять на этот счет любые сомнения, достаточно перечислить те статьи Конституции Российской Федерации, которые берут под защиту равенство всех перед законом и судом (статья 19, часть 1), право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 47, часть 1), отправление правосудия только судом (статья 118, часть 1), независимость судей (статья 120, часть 1), несменяемость судей (статья 121, часть 1), неприкосновенность судей (статья 122, часть 1) и открытое разбирательство дел во всех судах на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, части 1 и 3).

Не напрасно в российском конституционном правосудии с самого начала проступила тенденция воспринимать общепризнанные принципы и нормы международного права как своего рода наднациональный юридический эталон, который нельзя не исполнить, если речь идет о защите прав и свобод человека и гражданина, признаваемых Конституцией Российской Федерации. В оценке конституционности закона Конституционный Суд Российской Федерации часто полагается на международно-правовую аргументацию, сверяет с нею свои обоснования и суждения в истолковании конституционных норм, выявлении конституционно-правового смысла законоположений⁶. Конституционное правосудие связы-

⁶ Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. - М., 2010. - С. 485.

вает российский правопорядок с международным правом, позволяя подтвердить его в законодательстве и правоприменении⁷.

О том, что между конституционными и международными стандартами уголовного правосудия нет действительных расхождений, можно судить по многим решениям, где Конституционный Суд Российской Федерации, вступая в оценку конституционности уголовно-процессуального закона, полагается не только на конституционный текст, но и на международно-правовые источники, включая прецедентную практику юрисдикционных органов, когда она убедительна и, тем более, определенно установилась в общем признании (консенсусе) участников международных пактов и конвенций. В последнее время так было, когда Суд проверял положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о возможности прекращения производства по делу в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого, притом что с этим не согласны близкие родственники умершего (Постановление от 14 июля 2011 года № 16-П); о применении к подозреваемым и обвиняемым домашнего ареста (Постановление от 6 декабря 2011 года № 27-П); о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (Постановление от 11 ноября 2014 года № 28-П); о продлении срока содержания под стражей обвиняемого на период ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами возвращенного судом прокурору уголовного дела после устранения препятствий его рассмотрения и завершения необходимых для этого следственных и иных процессуальных действий (Постановление от 16 июля 2015 года № 23-П). Во всех этих случаях и не только в них Конституционный Суд России, принимая решение о соответствии либо несоответствии уголовно-процессуального закона Конституции Российской Федерации, апеллировал к международным стандартам эффективного, этичного, справедливого, гуманного и ответственного уголовного правосудия⁸, полагая, что

⁷ Князев С.Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 12. - С. 10-11.

⁸ Подробнее см.: Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации / Отв. ред. В.П. Кашепов. - М., 2012.

они состоят в естественной гармонии с конституционными принципами уголовного судопроизводства и не могут оставаться без последствий в оценке национального законодательства.

Вместе с тем нельзя не признать, что актуальная российская уголовная юстиция – как с точки зрения состояния процессуального законодательства, так и, особенно, в правоприменительном контексте – не вполне ещё отвечает общепризнанным международным стандартам судебного разбирательства. Судить об этом позволяет, в частности, статистика Европейского суда по правам человека, из которой в абсолютных числах следует, что среди прочих стран-участниц Конвенции Россия еще не вышла из группы лидеров по количеству нарушений прав и свобод, в том числе в области уголовного правосудия⁹. Это дает основания ставить и обсуждать ряд вопросов.

Во-первых, долгие годы «ахиллесовой пятой» российской криминальной юстиции остаётся проблема обоснованности избрания (продления) и сроков применения такой меры уголовно-процессуального пресечения, как заключение под стражу. В практике судов по-прежнему имеет силу та инерция, что именно содержание под стражей считается самым верным средством обеспечить интересы уголовного судопроизводства. С нею судьи склонны принимать решение об аресте, даже если следствию просто кажется, что обвиняемый с вероятностью скроется от него, а потом и от суда; что он продолжит преступную деятельность, будет угрожать свидетелям, иным участникам судопроизводства, уничтожать доказательства и вообще препятствовать производству по уголовному делу. Между тем – и на это много раз обращал

⁹ См.: Деменова А.В. Исполнение Россией постановлений Европейского суда по правам человека: количество, не переходящее в качество // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4. - С. 69-76; Лобов М.Б. RESTITUTIO IN INTEGRUM в системе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 5. - С. 92-93; Диков Г.В. Право на свободу и меры пресечения в уголовном процессе – подходы Европейского суда // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 5. - С. 22-29; Брайди Н. Использование результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе в свете решений ЕСПЧ по жалобам в отношении Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 5. - С. 30-35.

внимание Европейский суд по правам человека – такие риски не должны быть лишь гипотетическими; заключение под стражу допустимо, если оно объективно подтверждено конкретными фактами (доказательствами), из которых следует, что применение этой меры обоснованно и действительно необходимо. К тому же суды, принимая решение о заключении под стражу, должны мотивировать невозможность применения других мер пресечения, не связанных с лишением свободы, тем более в случаях, когда о том ходатайствует сторона защиты. Иначе уголовное судопроизводство вряд ли удержится в границах конвенционных стандартов справедливости и гуманизма.

К настоящему времени Европейский суд по правам человека вынес более сотни постановлений по российским делам, где зафиксировал множество нарушений права на свободу и личную неприкосновенность в связи с применением в уголовном процессе заключения под стражу (постановления от 15 июля 2002 года по делу «Калашников (Kalashnikov) против России», от 24 октября 2003 года по делу «Смирнова (Smirnova) против России», от 20 сентября 2011 года по делу «Федоренко (Fedorenko) против России», от 7 мая 2015 года по делу «Александр Дмитриев (Aleksander Dmitriyev) против России» и др.). В них Страсбургский суд последовательно держит линию, в которой решение о выборе меры пресечения всегда должно быть конкретным, подтвержденным материалами дела (фактами), доступными стороне защиты и с очевидностью указывающими на необходимость ограничения свободы лица, привлекаемого к уголовной ответственности. При этом лишение обвиняемого (подозреваемого) свободы до приговора суда должно быть мерой исключительной в ряду иных, более спокойных процессуальных средств, обеспечивающих нормальное отправление уголовного правосудия. Поэтому всё, что связано с его использованием (основания, условия, продолжительность, риски и т.п.), не может быть произвольным.

Соответственно, суды обязаны исходить из презумпции предпочтительности применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и учитывать, что далеко не все обстоятельства (факты), подтвержденные органами уголов-

ного преследования, достаточны для оправдания содержания обвиняемого под стражей. К этому их ориентирует и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». В нем Верховный Суд разъясняет, что суды, принимая решение о заключении под стражу, обязаны проверять на любой стадии производства по делу наличие общих и специальных оснований для применения такой меры пресечения (статьи 97 и 108 УПК Российской Федерации); эти основания должны подтверждаться достоверными сведениями и доказательствами; следует учитывать все обстоятельства, влияющие на решение вопроса о заключении под стражу, и обсуждать возможность избрания иной, более мягкой меры пресечения (пункты 1, 3 – 6 и 21).

Во-вторых, немало издержек связано с условиями содержания в местах предварительного заключения и в местах лишения свободы. Вступая в Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Россия тем самым согласилась, что эти условия должны соответствовать требованиям статьи 3 этого договора, согласно которой никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному отношению или унижающему достоинство обращению или наказанию. Как следствие, по мнению Европейского суда по правам человека, государство обязано гарантировать, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, совместимых с человеческим достоинством; чтобы эти условия не приводили к чрезмерным страданиям, испытаниям и чтобы здоровье и благополучие заключенного под стражу были надлежащим образом защищены. Если же ограничение свободы ведет лицо в переполненные следственные изоляторы, не приспособленные к длительному в них пребыванию, не отвечающие санитарным правилам и опасные заражением инфекциями, то по европейским стандартам лицо нельзя помещать под стражу, даже если российские власти не собирались (не имели намерения) создавать и поддерживать неприемлемые условия.

В решениях по делам в отношении Российской Федерации Европейский суд по правам человека неодно-

кратно указывал, что заключение под стражу не должно сопровождаться избыточными ограничениями, не имеющими ничего общего с природой и предназначением уголовно-процессуальных институтов в демократическом правовом государстве (постановления от 2 июня 2005 года по делу «Новоселов (Novoselov) против России», от 14 февраля 2008 года по делу «Дорохов (Dorohov) против России», от 15 января 2015 года по делу «Ногин (Nogin) против России», от 19 февраля 2015 года по делу «Джаббаров (Dzhabbarov) против России» и др.). Исправление сложившейся обстановки требует осуществления развёрнутой системы мероприятий по адекватному финансированию мест лишения свободы, обеспечению их цивилизованной эксплуатации, организации контроля за условиями содержания обвиняемых (подсудимых, осужденных) в местах лишения свободы, наведения должного порядка в работе следственных изоляторов и пени-тенциарных учреждений.

В-третьих, одним из самых уязвимых мест уголовного преследования остаётся использование незаконных методов ведения следствия (дознания), которое в российских условиях чаще проявляется в пытках, в иных формах насилия, в превышении необходимых пределов применения силы, создании устрашающей обстановки, угрозах жестокого обращения, а также других действиях, не совместимых со стандартами, обусловленными статьёй 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

По мнению Европейского суда по правам человека, агрессивное поведение органов дознания и следствия, выходящее за рамки допустимого при осуществлении уголовного преследования, дискредитирует общий принцип справедливости судебного разбирательства, а потому доказательства, полученные под принуждением, нельзя учитывать в структуре обвинительного заключения вне зависимости от того, какое они имеют значение – решающее (чрезвычайное) или дополнительное (несущественное)¹⁰. В ряде

¹⁰ Подробнее см.: *Виткаускас Д., Диков Г.* Защита права на справедливое судебное разбирательство в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Серия пособий Совета Европы. - Воронеж, 2014. - С. 122-128.

решений, принятых по делам против Российской Федерации, ЕСПЧ специально обращал внимание на то, что о нарушении справедливости с применением недозволённых методов уголовного преследования могут свидетельствовать не только выявленные (установленные) факты жестокого обращения, но и серьёзные подозрения в применении насилия, не устранённые по причине того, что не проведено эффективное расследование (постановление от 30 июля 2009 года по делу «Гладышев (Gladyshev) против России», от 5 апреля 2011 года по делу «Николай Федоров (Nikolay Fedorov) против России», от 30 января 2013 года по делу «Великанов (Velikanov) против России», от 6 октября 2015 года по делу «Турбылев (Turbylev) против России» и др.).

В-четвёртых, много беспокойства создает практика использования в уголовном судопроизводстве доказательств, добытых в негласной оперативно-розыскной деятельности при проведении контрольных закупок в делах, связанных с незаконным оборотом наркотиков, при организации оперативных экспериментов по делам о даче или получении взятки и т.п. Нередко в нарушение статьи 6 Европейской Конвенции под видом оперативно-розыскных мероприятий те или иные следственные ухищрения используются не для получения доказательств о состоявшихся преступлениях, а для того, чтобы склонить определенных лиц к преступной деятельности или к отдельному преступному деянию. Имея в виду возможность провокации преступления (полицейского подстрекательства) и пресекая их последствия, суды должны проверять обоснованность оперативно-розыскных мероприятий, выяснять, чем доказаны и как оформлены - документально или иным образом - намерения обвиняемого совершить преступление, сложилось ли это намерение до проведения контрольной закупки (оперативного эксперимента). Суд обязан досконально исследовать заявление обвиняемого о провокации, гарантировать ему возможность представить о том свои объяснения и доказательства. В противном случае результаты оперативно-розыскных мероприятий нельзя считать допустимым доказательством по уголовному делу.

Из практики Европейского суда по правам человека по делам, предмет которых можно обозначить как «полицейскую провокацию»¹¹, можно заключить, что в Российской Федерации процедура решения о проведении контрольной закупки и других видов оперативного эксперимента страдает серьёзными изъянами: решение об их проведении принимается в административном порядке самим органом, который затем проводит операции; он не обязан обосновать – ни заранее, ни впоследствии – необходимость их проведения; требования к документальному оформлению контрольной закупки или оперативного эксперимента не распространяются на этап, предшествующий вынесению решения об их проведении. В итоге суды, рассматривая уголовное дело без надлежащим образом запротоколированной информации об истинных причинах контрольной закупки, оказываются перед непростым выбором – исключить доказательства, полученные с помощью её проведения, поскольку они добыты с нарушением закона, либо констатировать недоказанность провокации со стороны органов дознания. Понятно, что в условиях дефицита сведений об обстоятельствах принятия решения о контрольной закупке или ином оперативном эксперименте, какие-либо специальные гарантии, защищающие судебные инстанции от ошибочных выводов, как таковые практически полностью отсутствуют. Всё это диктует потребность совершенствования правового регулирования, одним из перспективных направлений которого могло бы стать введение, по крайней мере в виде общего правила, предварительной судебной санкции как обязательного условия проведения контрольной закупки (оперативного эксперимента).

Кроме упомянутых отклонений от международных стандартов, российское уголовное судопроизводство не свободно и от иных, откровенно неприемлемых дефектов, таких как отсутствие полноценных гарантий права на защиту, отступление от принципов равенства и состязательности сторон

¹¹ Постановления от 15 декабря 2005 года по делу «Ваня (Vanup) против России», от 10 марта 2009 года по делу «Быков (Bykov) против России», от 4 ноября 2010 года по делу «Банникова (Bannikova) против России», от 2 октября 2012 года по делу «Веселов (Veselov) и другие против России» и др.).

уголовного процесса¹², нарушение разумных сроков судебного разбирательства и т.д. Очевидно, что моментально исправить положение дел в криминальной юстиции невозможно. Это требует времени и, конечно, совместных усилий государственных, и не только органов. Первостепенное значение при этом имеет не столько улучшение уголовно-процессуального законодательства, сколько приведение практики его применения в соответствии с конституционными и международными требованиями. Здесь многое зависит от того, насколько принципиально и твёрдо суды поддерживают демократические стандарты, режим конституционности в уголовном судопроизводстве¹³.

Под этим углом зрения важно остановиться и на том, что задача сопряжения конституционных (национальных) и международных (европейских) стандартов уголовного правосудия не имеет одностороннего – раз и навсегда заданного – вектора. Её нельзя воспринимать слишком линейно и во всех без исключения случаях видеть в ней простую обязанность довести российские уголовно-процессуальные реалии до требований, соответствующих международным обязательствам. У Конституции Российской Федерации есть собственный потенциал, с которым она способна масштабно влиять на развитие российского уголовного судопроизводства с результатами, не менее убедительными, чем те, которых требуют международные стандарты.

Так, институт компенсации за нарушение права на судебное рассмотрение уголовного дела в разумный срок появился в России, бесспорно, под влиянием Европейского суда по правам человека, который полагал, что иначе нельзя гарантировать конвенционное право индивида на судебное разбирательство предъявленного ему уголовного обвинения в

¹² Заметим в этой связи, что в юридической литературе справедливо отмечается, что состязательность уголовного процесса является своеобразным краеугольным камнем справедливого правосудия, так как именно она предполагает действительное процессуальное равенство обвинения и защиты, а также независимость от них суда, как нейтрального и беспристрастного арбитра. См.: *Смирнов А.В.* Состязательный процесс. - СПб., 2001. - С. 18-27.

¹³ *Соколов Т.В.* Формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства в контексте доктрины судебного права. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2014. - С. 3-5.

разумный срок¹⁴. Нельзя, однако, отрицать и того, что российское уголовно-процессуальное законодательство – в отличие от европейских стандартов – исходит из необходимости присуждать компенсацию как обвиняемому (подсудимому), так и потерпевшему. Оно позволяет выплатить компенсацию за нарушение права на разумный срок разбирательства по уголовному делу не только при судебном его рассмотрении, но и на стадии предварительного следствия. В этой связи Конституционный Суд России занял свою позицию, из которой следует, что, по смыслу Конституции Российской Федерации, названное право потерпевших (лиц, заявивших о совершении против них преступления) должно при определенных обстоятельствах получить защиту в случаях, например, когда следствие (дознание) длительно и безосновательно уклонялось от возбуждения уголовного дела. В Постановлении же от 25 июня 2013 года № 14-П Конституционный Суд заключил, что потерпевшему нельзя отказать в признании права на заявление о присуждении названной компенсации на том лишь формальном основании, что по делу не установлен подозреваемый или обвиняемый, притом что есть признаки возможного нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства, в том числе в связи с неприятием должных мер судом, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания, дознавателем в целях своевременного осуществления досудебного производства по уголовному делу и установления подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления лиц, с учётом общей продолжительности производства по уголовному делу.

Отдельного упоминания заслуживают выявленные в практике Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека различия в подходах

¹⁴ В пояснительной записке к проекту федерального закона № 346759-5 «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» прямо указывалось, что его принятие обусловлено необходимостью выполнения требований Европейского суда по правам человека о создании эффективного средства правовой защиты в связи с системными нарушениями, выражающимися в несоблюдении разумных сроков судопроизводства и исполнения судебных актов (постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 года по делу «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2).

к пониманию роли уголовной юстиции в вопросе ограничения избирательных прав лиц, подвергнутых за совершение преступления наказанию в виде лишения свободы. По мнению ЕСПЧ, изложенному им в постановлении от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против России» со ссылкой на своё постановление от 22 мая 2012 года по делу «Скоппола (Skoppola) против Италии (№ 3)», государства-участники Конвенции могут возлагать на суды определение целесообразности (пропорциональности) такой меры, как лишение осужденных (заклученных) права на участие в голосовании на выборах, либо закреплять в законодательстве конкретные обстоятельства, при которых указанные лица должны ограничиваться в избирательном праве. Однако в прямом законодательном ограничении избирательных прав осужденных (заклученных) государство должно избегать общего, автоматического и недифференцированного регулирования.

Между тем, Конституционный Суд России в Постановлении от 10 октября 2013 года № 20-П установил, что российская правовая система ориентирована на то, что ограничение пассивного избирательного права в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, является обязательным следствием соответствующего приговора, а потому соразмерность такого ограничения – по смыслу статей 19 (части 1 и 2), 32 (части 2 и 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод – должна быть обеспечена его законодательной детализацией в зависимости не только от категории преступления, обстоятельств его совершения, личности осужденного, срока лишения свободы, но и от порядка (реального или условного) отбывания назначенного наказания.

Какое-либо законодательное или судебное усмотрение относительно неучастия в выборах граждан, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда, в современных российских реалиях, по-видимому, исключено, поскольку это ограничение избирательных прав установлено самой Конституцией Российской Федерации в статье 32 (часть 3). Европейский же суд по правам человека полагает, что в силу

статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции Российской Федерации следует в судебно-интерпретационных, законодательных или же в конституционных решениях обеспечить эластичную регламентацию ограничений активного избирательного права названной категории граждан. Эластичное и, вместе с тем, направленное толкование Конституции можно, наверное, обсуждать, как рецепт лояльности позициям ЕСПЧ. Сомнительную в нем часть, однако, образует исходное условие, когда Конституционному Суду нужно истолковать Конституцию именно с тем, чтобы она отвечала правовой позиции ЕСПЧ, которая в такой расстановке выглядит как высшее право. Между тем судьи Конституционного Суда Российской Федерации присягают подчиняться только Конституции, никому и ничему более. Это обязывает извлекать из нее интерпретации, по смыслу близкие прежде всего самой Конституции. К тому же судебный акт, пусть это одно лишь истолкование, с поставленным заблаговременно выводом, сам по себе не вполне гармонирует с тем, что принято думать о правосудии.

Но главное, вероятно, в том, что названную позицию Страсбургского суда, вряд ли можно исполнить без пересмотра Конституции Российской Федерации. При вступлении в Конвенцию по защите прав человека основных свобод, как и впоследствии, Российская Федерация не бралась исполнять ее вопреки своей Конституции, включая часть третьей статьи 32 и тем более не обещала дать Конституции полный пересмотр. Трудно представить согласие на такое истолкование Конвенции, даже если кажется, что избирательное право заключенных входит в конвенционный стандарт и ради него нужно сменить Конституцию. Заметим, что при вступлении в Конвенцию у России, как и у Великобритании, не было поводов ожидать, судя в том числе по юрисдикционной практике, что такой стандарт существует или будет установлен и обяжет дать избирательные права заключенным по судебному приговору. Кроме объявленного мнения ЕСПЧ, впоследствии ничего не случилось такого, из чего бы следовало общее согласие сторон перетолковать конвенционные положения и прибавить новое содержание к своим обязательствам именно в доступности заключенным избирательных прав.

В российском случае важно также учесть, что прочность Конституции имеет, возможно, решающее значение в том, удержится ли Российская Федерация в границах конституционного права, как и права конвенционного. Случись пересмотр Конституции, и он, меняя государственность до основ, вряд ли оставил бы без последствий и международный статус России с ее участием в договорах, а то и территориальную целостность, федерализм, конституционные права и др. Качество этих последствий нет смысла заблаговременно обсуждать, поскольку веер переменных величин и возможных вариантов слишком широк, чтобы исход был предсказуемым. Не предрешено поэтому и участие в Европейской конвенции, как и в международных пактах 1966 года. Явись, например, среди новоустановленных основ государственная идеология, которую год назад предрекали России довольно влиятельные лица, достанься государству власть изрекать нравственные учения со своих моральных высот, и совсем хрупкими стали бы свобода мысли, слова, совести, информации и сама демократия, а с ними вместе и российские обязательства по защите свобод, охраняемых и Пактом о гражданских и политических правах, и Европейской конвенцией. Всегда было вдоволь охотников стать отцами-основателями и прославиться политическим или научным словом, записав его среди основ государства. Беспокойных же и разнонаправленных влечений в российском обществе тоже слишком много¹⁵, и они вряд ли проявят себя невинно и безопасно, если им позволить исполниться в запале конституционного благоустройства. При значительном запасе рисков пересмотр Конституции открыл бы дорогу нововведениям с того рода благими намерениями, которые вернее всего повели бы конституционное и конвенционное право во всем известный пункт.

Применительно к перспективам, которые следуют из постановления Страсбургского суда по делу «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против России», нельзя не заметить также, что согласно статье 3 Протокола № 1 к Конвенции государства-участники обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путём тайного голосования в таких

¹⁵ См. об этом, напр.: *Осейчук В.И.* Об основах конституционной идеологии строительства демократического правового социального государства в России // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 12. - С. 3-9.

условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти. ЕСПЧ сам утверждал еще в решении от 2 марта 1987 года по делу «Матье-Моэн (Mathiev-Mohin) и Клерфейт (Clerfayt) против Бельгии», что действие этой статьи Конвенции распространяется лишь на выборы «законодательной власти» или по крайней мере одной из её палат, если их две или более; под «законодательной властью» не обязательно подразумевается только парламент страны; этот термин следует толковать, исходя из конституционного устройства конкретного государства.

В России, между прочим, законодательная власть представлена на федеральном уровне Федеральным Собранием (Советом Федерации и Государственной Думой), а на уровне её субъектов – их законодательными (представительными) органами государственной власти. Следовательно, условия, которые поставил ЕСПЧ в части избирательного права заключенных, касаются лишь парламентских – федеральных и региональных – выборов, но не обязывают Россию следовать им в президентских, губернаторских и муниципальных избирательных кампаниях. Это делает исполнение условия, поставленного Европейским судом по правам человека, тем более проблематичным.

Итак, российское уголовно-процессуальное законодательство и практика его применения остаются под совместным влиянием конституционных предписаний и международно-правовых требований, касающихся уголовного правосудия. Их адекватное и гармоничное восприятие должно определять состояние и развитие уголовного судопроизводства в Российской Федерации. И поскольку государственный суверенитет отнесён Конституцией Российской Федерации (преамбула; статья 4, часть 1) к основам её конституционного строя, влияние международных стандартов на российское уголовное правосудие, как это следует из Постановления Конституционного Суда России от 7 июня 2000 года № 10-П в, происходит при верховенстве, независимости, самостоятельности законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации на ее территории, с независимостью российского государства в международном общении, как это следует из его конституционно-статуса.

K. Aranovskiy

*Judge of the Constitutional Court,
Professor of Constitutional and Administrative Law
at the Far Eastern Federal University, Doctor of Law,
Honored Lawyer of Russia*

S. Knyazev

*Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation,
Head of the Department of Constitutional and
Administrative Law of the Far Eastern Federal University,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation, Honoured Scientist of Russia*

Foundations of international standards in conjunction with the constitutional basics of the Russian criminal proceedings

Summary

The article comprises analysis of the impact of international criminal justice standards in the context of correlation with the constitutional basics of dispensation of justice, which are not complied in the Russian criminal proceedings. Special attention is paid to the criteria of categorising the judgments of the European Court of Human Rights which contain broad interpretations of provisions of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, elaborated on the basis of consensual practice, essentially establishing additional international obligations of states inter alia in the sphere of criminal law as international legal standards. Based on the premise that the Constitution of the Russian Federation and the European Convention on Human Rights do not comprise any prerequisite for contradicting each other, the authors conclude that judicial interpretation of these acts generally cannot lead to the conflict between constitutional and international values. When such conflicts arise, they should be resolved in accordance with the supremacy of the Constitution within the framework of the legal system of the Russian

Federation.

**Заключение Конституционного Суда Украины
от 30 июля 2015 года № 2-в/2015
по делу о даче заключения о соответствии
законопроекта о внесении в Конституцию Украины
изменений относительно децентрализации власти
требованиям статей 157 и 158 Конституции
Украины по обращению Верховной Рады Украины**

Выводы

Признать законопроект о внесении в Конституцию Украины изменений относительно децентрализации власти (реестр № 2217), которым предлагается внести изменения в пункт 29 части первой статьи 85, пункт 30 части первой статьи 85, пункт 16 части первой статьи 92, в часть первую статьи 106, статью 118, часть пятую статьи 121, статьи 132, 133, 140, 141, 142, 143, 144, часть первую статьи 150, названия раздела IX, а также раздела XV "Переходные положения", соответствующим требованиям статей 157 и 158 Конституции Украины.

Краткое изложение:

Верховная Рада Украины согласно Постановлению "О включении в повестку дня второй сессии Верховной Рады восьмого созыва законопроекта о внесении в Конституцию Украины изменений относительно децентрализации власти и о его направлении в Конституционный Суд Украины " от 16 июля 2015 года № 622-VIII обратилась в Конституционный Суд Украины с ходатайством дать заключение о соответствии

Из практики органов конституционного правосудия

законопроекта о внесении в Конституцию Украины изменений относительно децентрализации власти (реестр № 2217) (далее - Законопроект) требованиям статей 157 и 158 Конституции Украины.

В соответствии с пунктом 1 части первой статьи 85 Основного Закона Украины к полномочиям Верховной Рады Украины относится внесение изменений в Конституцию Украины в пределах и порядке, предусмотренных разделом XIII Конституции Украины.

Согласно статье 159 Основного Закона Украины законопроект о внесении изменений в Конституцию Украины рассматривается Верховной Радой Украины при наличии заключения Конституционного Суда Украины о соответствии законопроекта требованиям статей 157 и 158 Конституции Украины.

Верховная Рада Украины восьмого созыва в течение года законопроект не рассматривала и в течение срока своих полномочий не изменяла указанных положений Конституции Украины.

Конституционный Суд Украины исходит из того, что на момент дачи им настоящего заключения в Украине или в отдельных ее местностях не введено военное или чрезвычайное положение по процедуре, определенной Конституцией Украины.

Законопроектом предлагается статью 118 Конституции Украины изложить в следующей редакции:

"Статья 118. Исполнительную власть в районах и областях, в Киеве и Севастополе осуществляют префекты.

Особенности осуществления исполнительной власти в Киеве и Севастополе определяются отдельными законами.

Префекта назначает на должность и освобождает от должности по представлению Кабинета Министров Украины Президент Украины.

Префект является государственным служащим.

Префект при осуществлении своих полномочий ответственен перед Президентом Украины, подотчетен и подконтролен Кабинету Министров Украины".

Указанные изменения направлены на замену существующей системы местных органов исполнительной власти и не предусматривают упразднение либо ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Законопроектом предлагается статью 119 Конституции Украины изложить в следующей редакции:

"Статья 119. Префект на соответствующей территории:

- 1) осуществляет надзор за соблюдением Конституции и законов Украины органами местного самоуправления;
- 2) координирует деятельность территориальных органов центральных органов исполнительной власти и осуществляет надзор за соблюдением ими Конституции и законов Украины;
- 3) обеспечивает выполнение государственных программ;
- 4) направляет и организывает деятельность территориальных органов центральных органов исполнительной власти и обеспечивает их взаимодействие с органами местного самоуправления в условиях военного или чрезвычайного положения, чрезвычайной экологической ситуации;
- 5) осуществляет другие полномочия, определенные Конституцией и законами Украины.

Префект на основании и в порядке, определенных законом, издает акты, являющиеся обязательными на соответствующей территории.

Акты префектов, изданные на осуществление полномочий, определенных пунктами 1, 4 части первой данной статьи, могут быть отменены Президентом Украины, а изданные на осуществление полномочий, определенных пунктами 2, 3 части первой данной статьи, - Кабинетом Министров Украины. Акты префектов, выданные на осуществление полномочий, определенных пунктом 5 части первой данной статьи, отменяет Президент Украины, а в определенных

законом случаях - Кабинет Министров Украины".

Законопроектом предлагается статью 132 Конституции Украины изложить в следующей редакции:

"Статья 132. Административно-территориальное устройство Украины основывается на принципах единства и целостности государственной территории, децентрализации власти, повсеместности и состоятельности местного самоуправления, стабильного развития административно-территориальных единиц с учетом исторических, экономических, экологических, географических и демографических особенностей, этнических и культурных традиций".

Изменениями, предложенными Законопроектом в статью 132 Конституции Украины, вводится направленная на замену существующей модели управления в государстве организация административно-территориального устройства Украины, которое вместо "сочетания централизации и децентрализации в осуществлении государственной власти" основывается на принципе "децентрализации власти", и данная статья дополняется принципом "повсеместности и состоятельности местного самоуправления".

Законопроектом предлагается статью 133 Конституции Украины изложить в следующей редакции:

"Статья 133. Систему административно-территориального устройства Украины составляют административно-территориальные единицы: громады, районы, регионы.

Территория Украины разделена на громады. Громада является первичной единицей в системе административно-территориального устройства Украины.

Несколько громад составляют район.

Автономная Республика Крым и области являются регионами Украины.

Особенности Киева, Севастополя в системе административно-территориального устройства Украины определяются отдельными законами.

Порядок создания, ликвидации, установления и изменения границ, наименование и переименование громад, рай-

онов, областей, а также порядок создания, наименования и переименования и отнесения населенных пунктов (сел, поселков, городов) к соответствующей категории определяются законом.

Изменение границ, наименование и переименование громад и населенных пунктов осуществляется с учетом мнения их жителей в порядке, определенном законом".

Законопроектом из статьи 133 Конституции Украины исключается перечень областей.

Законопроектом предлагается статью 140 Конституции Украины изложить в следующей редакции:

"Статья 140. Территориальная громада осуществляет местное самоуправление как непосредственно, так и через органы местного самоуправления путем самостоятельного регулирования общественных дел местного значения и управления ими в пределах Конституции и законов Украины.

Территориальную громаду составляют жители населенного пункта или населенных пунктов соответствующей громады.

Территориальная громада осуществляет местное самоуправление непосредственно путем местных референдумов и в других формах, определенных законом.

Органами местного самоуправления громады является совет громады как представительный орган и исполнительные органы местного самоуправления громады.

Исполнительные органы местного самоуправления громады подконтрольны и подотчетны совету громады.

Председатель громады председательствует на заседаниях совета громады, возглавляет исполнительный орган местного самоуправления громады.

Районный, областной совет, их исполнительные комитеты являются органами местного самоуправления, соответственно представляют и реализуют общие интересы территориальных громад района, области.

Статус глав громад, депутатов советов общин, районных, областных советов, порядок создания, реорганизации и лик-

видации исполнительных органов местного самоуправления громады, исполнительных комитетов районных, областных советов, объем их полномочий определяются законом.

Совет громады способствует деятельности созданных в соответствии с законом и уставом территориальной громады органов самоорганизации населения и с этой целью может наделять их финансами и имуществом".

Законопроектом предлагается статью 141 Конституции Украины изложить в следующей редакции:

"Статья 141. Право голоса на выборах головы громады, депутатов совета громады, районного, областного совета имеют жители соответствующей громады (громад) - граждане Украины, достигшие на день проведения выборов восемнадцати лет и не признанные судом недееспособными.

Голова громады, депутаты совета громады, районного, областного совета избираются на свободных выборах на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права путем тайного голосования.

Головой громады, депутатом совета громады, районного, областного совета может быть избран гражданин Украины, достигший на день проведения выборов восемнадцати лет, не признанный судом недееспособным. Не может быть избран головой громады, депутатом совета громады, районного, областного совета гражданин, отбывающий наказание за совершение преступления или имеющий судимость за совершение умышленного преступления.

Порядок избрания депутатов районных и областных советов обеспечивает представительство территориальных громад в пределах соответствующего района, области и определяется законом.

Срок полномочий головы громады, депутатов совета громады, районного, областного совета, избранных на очередных выборах, составляет четыре года.

Основания и порядок досрочного прекращения полномочий головы громады, депутата или состава совета громады, районного, областного совета определяются Конституцией и

законами Украины.

Очередные выборы депутатов всех советов громад, районных, областных советов, голов громад проводятся в последнее воскресенье октября четвертого года полномочий органов местного самоуправления, избранных на предыдущих очередных местных выборах.

Внеочередные выборы головы громады, депутатов совета громады, районного, областного совета проводятся не позднее 180 дней со дня досрочного прекращения полномочий головы громады, состав совета громады, районного, областного совета, а в случае досрочного прекращения полномочий в порядке, предусмотренном статьей 144 этой Конституции, - не позднее 120 дней со дня такого прекращения.

Районный совет, областной совет избирает из своего состава соответственно председателя районного совета, председателя областного совета.

Районный совет, областной совет назначает и освобождает председателя исполнительного комитета совета и по его представлению формирует состав этого органа.

Головы громады, депутаты совета громады, районного, областного совета не могут иметь другого представительского мандата. Другие требования относительно несовместимости мандата головы громады, депутата совета громады, районного, областного совета определяются законом".

Указанными изменениями сокращается срок полномочий головы громады, депутатов совета громады, районного, областного совета, избранных на очередных выборах, с пяти до четырех лет.

По мнению Конституционного Суда Украины, сокращение указанного срока полномочий не влияет на осуществление гражданами Украины их избирательных прав, а потому не может привести к упразднению либо ограничению прав и свобод человека и гражданина.

Законопроектом предлагается статью 142 Конституции Украины изложить в следующей редакции:

"Статья 142. Материальной и финансовой основой мест-

ного самоуправления являются:

1) земля, движимое и недвижимое имущество, природные ресурсы, другие объекты, имеющиеся в коммунальной собственности территориальной громады;

2) местные налоги и сборы, часть общегосударственных налогов и другие доходы местных бюджетов.

Объекты совместной собственности территориальных громад находятся в управлении районного или областного совета и содержатся за счет средств соответственно районного или областного бюджета.

Государство обеспечивает соразмерность финансовых ресурсов и полномочий органов местного самоуправления, определенных Конституцией и законами Украины.

Изменение компетенции органа местного самоуправления осуществляется с одновременными соответствующими изменениями в распределении финансовых ресурсов.

Государство компенсирует расходы органов местного самоуправления, вызванные решениями органов государственной власти.

Территориальные громады могут объединять на договорных началах объекты коммунальной собственности, а также средства бюджетов для выполнения совместных проектов или для совместного финансирования (содержания) коммунальных предприятий, организаций и учреждений, создавать для этого соответствующие органы и службы".

Изменениями в статью 142 Конституции Украины, предложенными законопроектом, конкретизируются материальные и финансовые основы местного самоуправления, устанавливается обязанность государства по обеспечению соразмерности финансовых ресурсов и полномочий органов местного самоуправления.

Предлагаемое законопроектом закрепление в Конституции Украины указанной обязанности государства, прав территориальных общин объединять на договорных началах объекты коммунальной собственности и средства бюджетов направлено на достижение экономической независимости

территориальных громад.

Законопроектом предлагается статью 143 Конституции Украины изложить в следующей редакции:

"Статья 143. Территориальная громада непосредственно или через органы местного самоуправления громады в соответствии с законом:

- 1) управляет имуществом, находящимся в коммунальной собственности;
- 2) утверждает бюджет соответствующей громады и контролирует его выполнение;
- 3) утверждает программы социально-экономического и культурного развития и контролирует их выполнение;
- 4) устанавливает местные налоги и сборы;
- 5) обеспечивает реализацию результатов местных референдумов;
- 6) создает, реорганизовывает и ликвидирует коммунальные предприятия, организации и учреждения, а также осуществляет контроль за их деятельностью;
- 7) решает другие вопросы местного значения, отнесенные законом к их компетенции.

Областной, районный совет:

- 1) утверждает областной, районный бюджет для выполнения совместных проектов, в том числе за счет средств, привлеченных на договорных началах из местных бюджетов, и контролирует его выполнение;
- 2) решает другие вопросы, отнесенные законом к его компетенции.

Областной совет утверждает региональную программу социально-экономического и культурного развития области и контролирует ее выполнение.

Разграничение полномочий между органами местного самоуправления громад, районов, областей определяется законом на основе принципа subsidiarity.

Исполнительным органам местного самоуправления громады, исполнительным комитетам районного, областного совета в соответствии с законом могут быть делегированы

отдельные полномочия органов исполнительной власти. Государство финансирует осуществление этих полномочий в полном объеме за счет средств Государственного бюджета Украины, передает органам местного самоуправления соответствующие объекты государственной собственности. Такие полномочия могут быть отозваны на основании и в порядке, определенных законом.

Исполнительные органы местного самоуправления громады, исполнительный комитет районного, областного совета по вопросам осуществления ими делегированных полномочий органов исполнительной власти подконтрольны органам исполнительной власти, которые делегировали такие полномочия".

Определение полномочий территориальной общины соответствует ее конституционно-правовому статусу субъекта местного самоуправления.

Законопроектом предлагается статью 144 Конституции Украины изложить в следующей редакции:

"Статья 144. Территориальные громады, головы громад, органы местного самоуправления в соответствии с законом принимают акты местного самоуправления, являющиеся обязательными к исполнению на соответствующей территории.

Действие актов местного самоуправления по мотивам их несоответствия Конституции или законам Украины приостанавливает префект с одновременным обращением в суд.

В случае принятия головой громады, советом громады, районным, областным советом акта, не соответствующего Конституции Украины, создающего угрозу нарушения государственного суверенитета, территориальной целостности или угрозу национальной безопасности, Президент Украины приостанавливает действие соответствующего акта с одновременным обращением в Конституционный Суд Украины, временно приостанавливает полномочия головы громады, состава совета громады, районного, областного совета и назначает временного государствен-

ного уполномоченного. Временный государственный уполномоченный направляет и организывает деятельность соответствующих исполнительных органов местного самоуправления громады, исполнительного комитета районного, областного совета.

Конституционный Суд Украины рассматривает такое обращение Президента Украины безотлагательно.

В случае признания Конституционным Судом Украины акта головы громады, совета громады, районного, областного совета не соответствующим Конституции Украины, Президент Украины отменяет акт, изданный в соответствии с частью третьей настоящей статьи.

В случае признания Конституционным Судом Украины акта головы громады, совета громады, районного, областного совета не соответствующим Конституции Украины, Верховная Рада Украины по представлению Президента Украины досрочно прекращает полномочия громады, совета громады, районного, областного совета и назначает внеочередные выборы в определенном законом порядке".

Законопроектом предлагается пункты 29, 30 части первой статьи 85 Конституции Украины изложить в следующей редакции:

"29) образование и ликвидация громад, районов, областей, установление и изменение их границ; наименование и переименование населенных пунктов, громад, районов, областей;

30) назначение внеочередных выборов голов громад, депутатов советов громад, районных, областных советов".

Предлагаемая законопроектом редакция пункта 29 части первой статьи 85 Конституции Украины относительно полномочий Верховной Рады Украины по созданию и ликвидации, изменению границ, наименованию и переименованию административно-территориальных единиц обусловлена изменением в организации административно-территориального устройства и местного самоуправления.

Предлагаемая законопроектом редакция пункта 30 части

первой статьи 85 Конституции Украины определяет полномочия Верховной Рады Украины назначать внеочередные выборы голов громад, депутатов советов громад, районных, областных советов.

Законопроектом предлагается изложить пункт 16 части первой статьи 92 Конституции Украины в следующей редакции:

"16) статус Киева как столицы Украины".

Предлагаемое законопроектом изменение касается определения законами только статуса города Киева как столицы Украины, а также согласуется с изложенными в законопроекте редакциями части второй статьи 118, части пятой статьи 133 Конституции Украины по определению отдельными законами особенности осуществления исполнительной власти в городах Киеве и Севастополе и особого статуса этих городов в системе административно-территориального устройства.

Законопроектом предлагается дополнить часть первую статьи 106 Конституции Украины пунктом 8№ следующего содержания:

"8 №) временно приостанавливает полномочия головы громады, состава совета громад, районного, областного совета и назначает временного государственного уполномоченного в случаях, определенных настоящей Конституцией".

Такое дополнение части первой статьи 106 Конституции Украины согласуется с предложенной в законопроекте редакцией части третьей статьи 144 Конституции Украины, не упраздняет и не ограничивает прав и свобод человека и гражданина.

Законопроектом предлагается исключить из статьи 121 Конституции Украины пункт 5, согласно которому на прокуратуру Украины возлагается "надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, соблюдением законов по этим вопросам органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, их должностными и служебными

лицами".

Такое изменение находится в системной связи с изложенной в законопроекте редакцией пунктов 1, 2 части первой статьи 119 Конституции Украины, согласно которой надзор за соблюдением Конституции и законов органами местного самоуправления и территориальными органами центральных органов исполнительной власти относится к полномочиям префекта и не предусматривает упразднение либо ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Законопроектом название раздела IX "Территориальное устройство Украины" Конституции Украины предлагается изложить в следующей редакции:

"Раздел IX. Административно-территориальное устройство Украины".

Изменение названия раздела IX Конституции Украины согласуется с предложенными в законопроекте изменениями в статье 132, 133 Основного Закона Украины и не предусматривает упразднение либо ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Законопроектом предлагается часть первую статьи 150 Конституции Украины дополнить пунктом 1№ следующего содержания:

"1№) решение вопроса по обращению Президента Украины о соответствии Конституции Украины акта главы общины, совета общины, районного, областного совета".

Предлагаемое законопроектом дополнение части первой статьи 150 Конституции Украины пунктом 1№, предусматривающим предоставление Конституционному Суду Украины полномочия решать вопрос о соответствии Основному Закону Украины актов местного самоуправления, согласуется с редакцией статьи 144 Конституции Украины, изложенной в законопроекте, и не предусматривает упразднение либо ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Законопроектом предлагается внести изменения в раздел XV "Переходные положения" Конституции Украины,

дополнив его пунктом 17 следующего содержания:

"17. После вступления в силу Закона Украины "О внесении изменений в Конституцию Украины относительно децентрализации власти":

1) следующие очередные местные выборы - выборы голов громад, депутатов советов громад, районных, областных советов проводятся в последнее воскресенье октября 2017 года.

Полномочия сельских, поселковых, городских голов и депутатов местных советов, избранных на очередных выборах в октябре 2015 года и местных выборах в период с октября 2015 по октябрь 2017 года, прекращаются со дня обретения полномочий соответственно головами громад, советами громад, районными и областными советами, избранными на следующих очередных местных выборах в октябре 2017 года;

2) Президент Украины по представлению Кабинета Министров Украины назначает на должности и освобождает от должностей глав местных государственных администраций с назначением соответствующих префектов;

3) временно, до назначения префекта, полномочие, определенное пунктом 1 статьи 119 и частью второй статьи 144 Конституции Украины, осуществляет глава соответствующей местной государственной администрации;

4) Президент Украины до избрания на следующих очередных местных выборах в октябре 2017 голов громад, депутатов советов громад, районных, областных советов осуществляет полномочия, предусмотренные статьей 144 Конституции Украины, в отношении актов, принятых соответственно сельскими, поселковыми, городскими головами, сельскими, поселковыми, городскими, районными и областными советами.

Назначенные при этом временные государственные уполномоченные направляют и организывают деятельность исполнительных органов соответствующего сельского, поселкового, городского совета, исполнительного аппарата

соответствующего районного, областного совета.

Конституционный Суд Украины безотлагательно рассматривает соответствующее обращение Президента Украины относительно актов сельских, поселковых, городских голов, сельских, поселковых, городских, районных и областных советов.

В случае признания Конституционным Судом Украины акта сельского, поселкового, городского головы, сельского, поселкового, городского, районного, областного совета не соответствующим Конституции Украины, Верховная Рада Украины по представлению Президента Украины досрочно прекращает полномочия соответственно сельского, поселкового, городского головы, сельского, поселкового, городского, районного, областного совета и назначает внеочередные выборы".

Предлагаемыми изменениями устанавливаются дата проведения следующих очередных местных выборов, сроки полномочий сельских, поселковых, городских голов и депутатов местных советов, регулируются вопросы осуществления исполнительной власти на местах и местного самоуправления в случае досрочного прекращения полномочий сельского, поселкового, городского головы, сельского, поселкового, городского, районного, областного совета, а также назначение внеочередных местных выборов в связи с признанием Конституционным Судом Украины актов органов местного самоуправления такими, не соответствующими Конституции Украины.

Законопроектом раздел XV "Переходные положения" Конституции Украины предлагается дополнить пунктом 18 следующего содержания:

"18. Особенности осуществления местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей определяются отдельным законом".

Конституционный Суд Украины исходит из того, что данный пункт касается регулирования отдельным законом особенностей осуществления местного самоуправления в от-

дельных районах Донецкой и Луганской областей.

Законопроект содержит раздел II "Заключительные и переходные положения" следующего содержания:

"II. Заключительные и переходные положения

1. Настоящий Закон вступает в силу через три месяца со дня его опубликования.

2. Со вступлением в силу этого Закона один или несколько населенных пунктов (сел, поселков, городов) с прилегающими территориями приобретают статус громады на основании и в порядке, определенных законом.

3. Со дня вступления в силу настоящего Закона:

1) сельские, поселковые, городские советы до обретения полномочий советами громад, избранными в образованных Верховной Радой Украины громадах, продолжают осуществлять следующие полномочия: управляют имуществом, находящимся в коммунальной собственности; утверждают программы социально-экономического и культурного развития и контролируют их выполнение; утверждают бюджеты соответствующих административно-территориальных единиц и контролируют их выполнение; устанавливают местные налоги и сборы в соответствии с законом; обеспечивают проведение местных референдумов и реализацию их результатов; создают, реорганизовывают и ликвидируют коммунальные предприятия, организации и учреждения, а также осуществляют контроль за их деятельностью; решают другие вопросы местного значения, отнесенные законом к их компетенции;

2) сельские, поселковые, городские головы до обретения полномочий головами громад, избранными в образованных Верховной Радой Украины громадах, продолжают осуществлять полномочия, отнесенные законом к ведению сельских, поселковых, городских голов;

3) районные, областные советы до обретения полномочий районными, областными советами, избранными на сле-

дующих очередных местных выборах в октябре 2017 года, продолжают осуществлять следующие полномочия: утверждают программы социально-экономического и культурного развития соответствующих областей и районов и контролируют их выполнение; утверждают районные и областные бюджеты, формирующиеся из средств государственного бюджета для их соответствующего распределения между территориальными громадами или для выполнения совместных проектов и из средств, привлеченных на договорных началах из местных бюджетов для реализации совместных социально-экономических и культурных программ, и контролируют их выполнение; решают другие вопросы, отнесенные законом к их компетенции.

4. Районные, областные советы, избранные на следующих очередных местных выборах в октябре 2017 года, создают исполнительные комитеты на основании закона о местном самоуправлении, который определяет полномочия исполнительных комитетов районных, областных советов.

5. Местные государственные администрации до создания районными, областными советами исполнительных комитетов на основании закона о местном самоуправлении, который определяет полномочия исполнительных комитетов районных, областных советов, но не позднее 1 марта 2018 года на соответствующей территории продолжают обеспечивать:

1) выполнение Конституции и законов Украины, актов Президента Украины, Кабинета Министров Украины, других органов исполнительной власти;

2) законность и правопорядок; соблюдение прав и свобод граждан;

3) выполнение государственных и региональных программ социально-экономического и культурного развития, программ охраны окружающей среды, а в местах компактного проживания коренных народов и национальных меньшинств - также программ их национально-культурного разви-

тия;

4) подготовку и выполнение соответствующих областных и районных бюджетов;

5) отчет об исполнении соответствующих бюджетов и программ;

6) взаимодействие с органами местного самоуправления;

7) реализацию других предоставленных государством, а также делегированных соответствующими советами полномочий.

Киевская, Севастопольская городские государственные администрации, районные в городах Киеве, Севастополе государственные администрации продолжают осуществлять указанные в настоящем пункте полномочия до создания исполнительных органов местного самоуправления соответствующих громад, но не позднее 1 марта 2018 года.

6. Президент Украины по представлению Кабинета Министров Украины впервые осуществляет назначение префектов после создания соответствующими районными, областными советами исполнительных комитетов, но не позднее 1 марта 2018 года.

7. Акты глав местных государственных администраций действуют до вступления в силу соответствующих актов местного самоуправления, актов префектов, других органов исполнительной власти, принятых в соответствии с Конституцией и законами Украины".

Системный анализ содержания указанных положений Законопроекта обусловил вывод о том, что предложенные изменения не предусматривают упразднение либо ограничение прав и свобод человека и гражданина. Указанные изменения не вносятся в раздел II Конституции Украины «Права, свободы и обязанности человека и гражданина» и не предусматривают ни отмену, ни уменьшение объема существующих прав и свобод путем изменения конституционных норм из

других разделов Конституции Украины.

Ссылка:

Заключение Конституционного Суда Украины от 30 октября 2003 года № 1-в / 2003,

Заключение Конституционного Суда Украины от 7 сентября 2005 года № 1-в / 2005,

Заключение Конституционного Суда Украины от 15 января 2008 года № 1-в / 2008,

Решение Конституционного Суда Украины от 29 мая 2013 года № 2-рп / 2013,

Заключение Конституционного Суда Украины от 16 июня 2015 года № 1-в / 2015.

Особое мнение

Судьи Конституционного Суда Украины Н. Мельник, С. Сас, М. Гультай, И. Слиденко изложили особые мнения.

**Резюме Решений Конституционного Суда
Республики Беларусь
от 27 ноября 2015 г. № Р-1004/2015
и от 16 декабря 2015 г. № Р-1006/2015**

**Резюме Решения Конституционного Суда
Республики Беларусь
«О правовом регулировании возбуждения уголовных
дел частного обвинения»
от 27 ноября 2015 г. № Р-1004/2015**

Конституционный Суд Республики Беларусь рассмотрел в судебном заседании дело о наличии пробела в законодательстве, регулирующем общественные отношения, связанные с осуществлением уголовного преследования и рассмотрением дел в суде в порядке частного обвинения.

При рассмотрении дела Конституционный Суд исходил из следующих положений.

Конституция Республики Беларусь гарантирует каждому защиту его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки (статья 60).

Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) определен перечень преступлений, дела о которых являются делами частного обвинения (часть 2 статьи 26).

Уголовное дело частного обвинения возбуждается лицом, пострадавшим от преступления, его законным представителем или представителем юридического лица путем подачи в районный (городской) суд заявления о совершении в отношении него соответствующего преступления, которое должно содержать в том числе сведения о лице, совершив-

шем преступление; в случае отсутствия в заявлении таких сведений суд возвращает его заявителю (части 1 и 2 статьи 426, часть 1 статьи 427 УПК).

Изучив положения уголовно-процессуального закона, Конституционный Суд пришел к выводу о том, что отсутствие в УПК норм, обязывающих орган уголовного преследования возбуждать уголовные дела частного обвинения при отсутствии сведений о лице, совершившем преступление, а также норм, предусматривающих возможность возбуждения таких уголовных дел в случае смерти лица, пострадавшего от преступления, свидетельствует о пробеле конституционно-правового регулирования общественных отношений, связанных с осуществлением уголовного преследования и рассмотрением дел в суде в порядке частного обвинения.

По мнению Конституционного Суда, наделение гражданина полномочиями по возбуждению уголовных дел в порядке частного обвинения и осуществлению уголовного преследования следует рассматривать в качестве дополнительной гарантии защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, которая не освобождает государство от выполнения конституционных функций и обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, прав и свобод граждан, реализации гарантированного каждому права на судебную защиту. В связи с этим государство обязано обеспечить доступ к правосудию каждому гражданину, потерпевшему от преступления, а в случае смерти такого лица - гарантировать судебную защиту его достоинства и чести.

В целях соблюдения конституционных принципов верховенства права и законности, реализации конституционного права каждого на судебную защиту Конституционный Суд признал необходимым устранение пробела конституционно-правового регулирования возбуждения уголовных дел частного обвинения путем внесения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь изменений и дополнений, предусматривающих обязанность органа уголовного преследования возбуждать уголовные дела частного обвинения при

отсутствии сведений о лице, совершившем указанное в части 2 статьи 26 Уголовно-процессуального кодекса преступление, а также возбуждение уголовных дел частного обвинения в случае смерти лица, пострадавшего от преступления, по заявлениям его совершеннолетних близких родственников или членов семьи.

Совету Министров Республики Беларусь предложено подготовить соответствующий проект закона о внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь и внести его в установленном порядке в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь.

**Резюме Решения Конституционного Суда
Республики Беларусь
«О соответствии Конституции Республики Беларусь
Закона Республики Беларусь «О внесении изменений
и дополнений в Закон Республики Беларусь
«О гражданстве Республики Беларусь»
от 16 декабря 2015 г. № Р-1006/2015**

Конституционный Суд Республики Беларусь рассмотрел в судебном заседании в порядке осуществления обязательного предварительного контроля дело о конституционности Закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» (далее – Закон).

1. При проверке конституционности Закона Конституционный Суд подчеркнул, что гражданство как конституционно-правовой институт представляет собой конституционно-правовое регулирование особой политико-правовой связи гражданина и Республики Беларусь, обуславливающей объем взаимных прав и обязанностей, совокупность которых

составляет политико-правовой статус гражданина.

Конституционный Суд отметил, что нормы проверяемого Закона согласуются с положениями ряда основополагающих международно-правовых актов по правам человека, в которых в том числе закрепляется право на гражданство, в частности, Всеобщей декларацией прав человека, Международным пактом о гражданских и политических правах, Европейской конвенцией о гражданстве от 6 ноября 1997 года, Хельсинкским документом 1992 года «Вызов времени перемен», принятом Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе и др.

В Докладе о правопреемстве государств в отношении гражданства, принятом Европейской комиссией за демократию через право (Венецианская комиссия) 13–14 сентября 1996 г., подчеркнуто, что содержание института гражданства как неотъемлемой прерогативы суверенного государства в определении идентичности его населения должно быть связано с верховенством права (пункт 36); понятие верховенства права в связи с регулированием вопросов гражданства включает в себя в том числе: проведение кодификации в сфере гражданства с учетом доступности и понятности соответствующего законодательства гражданину; исключение из определения гражданина всех дискриминирующих элементов, касающихся прав и основных свобод человека; соблюдение принципа пропорциональности при предоставлении, отказе или изменении гражданства; предоставление эффективной судебной защиты в отношении актов, влекущих лишение гражданства; оптимальное толкование и применение закона, согласующееся с принципами Конституции и фундаментальными правами человека (пункт 39).

Исходя из верховенства Конституции, Конституционный Суд считает, что суверенное право Республики Беларусь осуществлять правовое регулирование отношений, связанных с гражданством, предполагает возможность усмотрения законодателя при установлении принципов, оснований, условий, а также порядка приобретения и прекращения гражданства

Республики Беларусь. При этом определяющим для развития института гражданства является конституционный принцип верховенства права, предполагающий, что правовое регулирование в данной сфере должно основываться на положениях Конституции и согласовываться с общепризнанными принципами международного права и международными обязательствами Республики Беларусь.

2. Законом расширяется перечень оснований приобретения гражданства Республики Беларусь по рождению. Так, изменением, вносимым абзацем вторым пункта 4 статьи 1 Закона в статью 13 Закона о гражданстве, предусматривается, что ребенок приобретает гражданство Республики Беларусь по рождению, если на день рождения ребенка его родители (единственный родитель), временно или постоянно проживающие в Республике Беларусь, являются лицами без гражданства, при условии, что ребенок родился на территории Республики Беларусь.

Таким образом, при установлении правового механизма приобретения гражданства Республики Беларусь ребенком, родившимся на территории Республики Беларусь, родители которого проживают в Республике Беларусь и являются лицами без гражданства, законодателем правомерно применен принцип права почвы.

Конституционный Суд отмечает, что при внесении указанного изменения в Закон о гражданстве законодателем учтен общепризнанный принцип международного права о сокращении безгражданства в отношении лиц, проживающих на территории государства, а также принцип гражданства, выражающий стремление Республики Беларусь к избежанию случаев безгражданства (абзац шестой статьи 3 Закона о гражданстве).

3. Конституционный Суд в своих решениях неоднократно отмечал, что верховенство права включает в себя ряд элементов, в том числе правовую определенность, предпола-

гающую ясность, точность, непротиворечивость и логическую согласованность правовых норм. В целях реализации принципа правовой определенности в части установления срока непрерывного проживания в Республике Беларусь (ценз оседлости), являющегося одним из обязательных требований для приема в гражданство Республики Беларусь, Законом уточняется понятие непрерывности срока постоянного проживания в Республике Беларусь (абзац пятый пункта 5 статьи 1). Так, в соответствии с дополнением, вносимым в абзац четвертый части первой статьи 14 Закона о гражданстве, срок проживания в Республике Беларусь считается непрерывным, если лицо выезжало за пределы Республики Беларусь не более чем на три месяца в течение каждого года на протяжении последних семи лет до обращения с заявлением о приеме в гражданство Республики Беларусь.

С принципом правовой определенности согласуется также пункт 11 статьи 1 Закона, в соответствии с которым глава 5 Закона о гражданстве (статьи 23–27) излагается в новой редакции. Так, новой редакцией части четвертой статьи 27 Закона о гражданстве предусматривается, что ребенок, который является иностранным гражданином или лицом без гражданства, при установлении в отношении него материнства (отцовства) лица, являющегося гражданином Республики Беларусь, становится гражданином Республики Беларусь со дня установления материнства (отцовства).

Данный подход законодателя, основанный на приоритете при регулировании указанных отношений принципа права крови, направлен на избежание правовых коллизий и выработку единообразной правоприменительной практики при определении гражданства ребенка, в отношении которого установлено материнство или отцовство лица, являющегося гражданином Республики Беларусь.

Исходя из выявленного конституционно-правового смысла норм Закона, Конституционный Суд считает, что Закон по своему содержанию направлен на совершенствова-

ние правового механизма реализации конституционных положений, регулирующих вопросы гражданства Республики Беларусь. Нормы проверяемого Закона основываются также на общепризнанных принципах международного права и международных договорах Республики Беларусь.

Конституционный Суд признал Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» соответствующим Конституции.

Конституционному Суду Республики Армения двадцать лет

Конституционный Суд Республики Армения был сформирован 6 февраля 1996 года. За прошедшие двадцать лет Конституционный Суд Республики Армения в результате судебного разбирательства принял окончательные решения по 1252 делам, выразив важные правовые позиции, являющиеся источником конституционного права, вынес более 1500 процедурных решений. Полностью или частично признаны неконституционными 209 разных статей и положений 67 законов и иных нормативных правовых актов, в том числе 19 статей или отдельных положений Гражданского процессуального кодекса РА и 37 – Уголовно-процессуального кодекса РА, выдвигая также задачу системного изменения этих Кодексов.

Исходя из необходимости гарантирования конституционной законности неконституционными признаны целые правовые институты, такие как институт отправления дел на дополнительное предварительное расследование, институт пересмотра дел по новым обстоятельствам, ранее действующие судоустройства в сфере уголовного и административного судопроизводства.

На основании постановлений Конституционного Суда в указанных сферах произведены системные изменения. В Национальное Собрание РА представлено более ста законодательных инициатив относительно внесения изменений в действующие законодательные акты.

За прошедшие годы Конституционный Суд рассмотрел 43 избирательных спора, недействительными признаны решения соответствующих избирательных комиссий или результаты выборов в 8 избирательных округах, а также результаты голосования на 40 избирательных участках.

В результате рассмотрения конституционности принятых Республикой Армения по международным договорам обязательств противоречащими Конституции признаны различные положения 5 международных договоров, а 16 - не приняты к рассмотрению из-за несоответствия требованиям закона.

Качественно новый период в деятельности Конституционного Суда наступил после конституционных реформ 2005 года, когда граждане получили возможность обращения в Конституционный Суд. В настоящее время в Конституционном Суде более 90 процентов дел по вопросам конституционности законов рассматриваются на основании обращений граждан.

Ежегодно в Конституционный Суд обращаются более 1600 физических и юридических лиц. К рассмотрению принимается около 7.5 процентов обращений (в международной практике это число колеблется в пределах 2.5-5 процентов, что обусловлено также особенностями института индивидуальной конституционной жалобы).

За эти годы Конституционный Суд Республики Армения стал членом-учредителем Всемирной конференции конституционных судов, Председателем Бюро Конгресса этой представляющей 98 стран организации, членом Конференции конституционных судов европейских стран, членом-учредителем и неизменяемым Председателем Международной конференции органов конституционного контроля стран новой демократии, членом Европейской комиссии за демократию через право Совета Европы (Венецианская комиссия) и членом Бюро этой Комиссии.

Конституционный Суд издает два международных журнала, которые рассылаются в более ста стран мира, а также официальный вестник на трех языках – армянском, русском и английском.

Председатель и члены Конституционного Суда приняли участие и выступили с докладами на более 80 международных конференциях, издали 51 монографию, 420 научных статей, посвященных актуальным проблемам конституционного правосудия.

По инициативе Конституционного Суда периодически организовывались республиканские олимпиады «Конститу-

ция и право”, в которых приняли участие более 25000 школьников и студентов. В международной практике получили широкое признание организуемые совместно Конституционным Судом Республики Армения и Венецианской комиссией Совета Европы, посвященные стержневым вопросам конституционного правосудия ежегодные Ереванские международные конференции, в которых за все это время приняли участие более 1200 известных конституционалистов из разных стран. А в состоявшейся в октябре 2015 года юбилейной Конференции приняли участие делегации из 29 стран, причем делегации из 12 стран – во главе с председателями их конституционных судов.

С целью обмена опытом Армению посетили делегации Конституционных Судов Германии, России, Австрии, Испании, Португалии, Италии, Польши, Венгрии, Чехии, Румынии, Грузии, Литвы, Латвии, Таиланда, Южной Кореи, Конституционного Совета Франции и органов конституционного правосудия ряда других стран. По приглашению Конституционного Суда в разные годы Республику Армения посетили три председателя Европейского суда по правам человека.

Конституционное
ПРАВОСУДИЕ

Вестник Конференции
органов конституционного контроля
стран новой демократии

Выпуск 1 (71) 2016

Адрес редакции:

0019, Ереван, пр. Баграмяна 10
Тел.: (+37411) 529991, (+37411) 588189
Факс: (+37410) 529991
Email: armlaw@concourt.am
URL: <http://www.concourt.am>

Сдано в набор 11.02.2016 г.
Подписано к печати 01.03.2016 г.
Печ. л. 7.75
Бумага офсетная
Печать офсетная
Формат 60x84 1/16
Тираж 750 экз.

Выходит ежеквартально

Статьи вестника “Конституционное правосудие” публикуются в авторской редакции

Вестник включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны публиковаться основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Зарегистрирован коллегией
N 8/22 Министерства юстиции РА
27 февраля 1998 г.

(+37411)